Ушаков. Д. Н.

МАТЕРІАЛЫ ПО НАРОДНЫМЪ ВѢРОВАНІЯМЪ ВЕЛИКОРУССОВЪ.

Содержаніе. Предисловіе (описаніе матеріала). I. Домовой. Лѣшій. Водяной и болотный. Русалки. II. Колдуны и вѣдьмы. Знахари и знахарки. III. Вѣра въ нечистую силу и ея вліяніе на древнія вѣрованія. Заключеніе (характеръ и значеніе матеріала; вліяніе школы на народное міросозерцаніе). Приложенія.

Пять лѣтъ тому назадъ Этнографическимъ Отдѣломъ И. О. Л. Е., А. и Э. была сдѣлана попытка пополнить имѣющійся въ этнографической литературѣ матеріалъ по народнымъ вѣрованіямъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы она дала блестящіе результаты. На разосланные въ 1891-мъ году въ центральныя губерніи „Вопросные пункты по (обычному праву и) вѣрованіямъ“ получены отвѣты отъ 26 лицъ изъ губерній: Тульской, Рязанской, Владимірской, Смоленской, Калужской и Курской. Число полученныхъ отвѣтовъ весьма незначительно въ сравненіи съ числомъ разосланныхъ программъ, оставшихся безъ отвѣта, о чемъ приходится сожалѣть тѣмъ болѣе, что доставленный матеріалъ не отличается новизною сообщаемыхъ свѣдѣній. Въ большинствѣ доставленныхъ отвѣтовъ полнѣе другихъ затронуты народныя представленія о небѣ и небесныхъ свѣтилахъ, а также вѣрованія въ духовъ, населяющихъ лѣса, воды, жилища, и вѣрованія въ колдовство. Въ восьми рукописяхъ находятся между прочимъ тексты народныхъ пѣсенъ (въ нѣкоторыхъ съ нотами), въ трехъ—списки лѣчебныхъ травъ, употребляемыхъ знахарями, въ пяти—довольно подробныя описанія свадебныхъ, похоронныхъ и другихъ обрядовъ, въ трехъ собраны примѣты и небольшое количество пословицъ, въ трехъ заключаются легенды о свв. Іоаннѣ Златоустѣ (о его золотыхъ „усахъ“), Николаѣ Чудотворцѣ, Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ, и легенда о сотвореніи дорогъ Богомъ и сатаною и, наконецъ, въ одной рукописи есть заговоръ противъ опухоли во рту (зубной боли).

Приведу перечень полученныхъ отвѣтовъ съ краткимъ указаніемъ на ихъ содержаніе; помѣщенныя здѣсь цифры указываютъ № того

Б.М.1896

2007081109

вопроснаго пункта программы, на который имѣются отвѣты въ данномъ сообщеніи *).

№ 1. Тульской г., Новосильскаго у., с. Подтолстое. Собиратель законоучитель о. *Поповъ*. 2. 3. 4. 6. 7. 8.

№ 2. » » Епифанскаго у.. с. Бобрики. Соб. учителя гг. *Спекулевъ* и *Макѣевъ*. 1. 2. 3. 4. (разсказы). 6 (разсказы).

№ 3. » » Алексинскаго у. Соб. учительница г-жа *Вишлинская*. 6. 8 (пѣсня).

№ 4. » » Ефремовскаго у. Соб. уч. г. *Доброхотовъ*. 1. 5. Свадебные обычаи.

№ 5. Рязанской г. и уѣзда, д. Волынь. Соб. уч-ца г-жа *Кельцева*. 1. 2. 3. 4. 6. 7. Пѣсни овсен. и подблюдныя. Гаданья.

№ 6. » » Сапожковскаго у., с. Путятино. Соб. уч. г. *Кожевниковъ*. 1. 2. 3. 6. Лѣчебн. травы.

№ 7. » » Пронскаго у., с. Носилово. Соб. уч. г. *Соколовъ*. 2. 7. 8. Похорон. обряды. Пѣсни съ нотами. Копія съ дарств. записи 1803 г. о надѣленіи землей свободн. хлѣбопашцевъ с. Носилова.

№ 8. » » Пронскаго у., с. Красное. Соб. уч. г. *Арцевъ*. Обычаи при крестинахъ, свадьбѣ; пѣсни съ нотами. 2. 3. 4 (разсказы). 7. Гаданья. Пѣсни подблюдн. съ нотами. Лѣчебн. травы. Примѣты.

№ 9. » » Рязанскаго у., с. Ѳедякино. Соб. уч. г. *Тверитиновъ*. 1. 2. 3. 4. 6. 7.

№ 10. » » » с. Вышетравинское. Соб. уч-ца г-жа *Востросаблина*. 4. 7.

№ 11. » » » с. Новоселки. Соб. уч. г. *Дмитревскій*. 2. 4. 6. 7.

№ 12. » » » д. Наумовская. Соб. уч. г. *Алленовъ*. 1. 2. 3. 4. 6.

№ 13. » » » с. Дяшлево. Соб. уч-ца г-жа *Рикманъ*. 4. 6. 7. 8.

---

*) Въ общихъ чертахъ эти пункты слѣдующіе: 1) Какія представленія существуютъ у мѣстнаго населенія о небѣ? 2) — о солнцѣ, лунѣ, кометахъ, над. звѣздахъ, радугѣ, млечн. пути, свѣт. сіяніи, затменіяхъ? 3) — о грозѣ, вѣтрахъ, дождѣ, морозѣ и т. п.? 4) — о духахъ, населяющихъ лѣса, воды, поля, дома? 5) Какіе разсказы ходятъ о сотвореніи міра? 6) Существуетъ-ли вѣров. въ колдуновъ, вѣдьмъ, знахарей и т. п.? 7) Какіе дни считаются особенно святыми и какъ они празднуются? Нѣтъ-ли особыхъ обрядовъ, исполняемыхъ въ нѣкоторые дни? 8) Нѣтъ-ли особыхъ празднованій, пріуроченныхъ къ временамъ года? (см. „Вопр. пункты по обычному праву и вѣрованіямъ". М. 1891.).

№ 14. » » » с. Константиновское. Соб. уч. г. *Ильинъ*. 4. 6. 7. Пословицы. Пѣсни.

№ 15. » » » с. Кузьминское. Соб. уч. г. *Ивановъ*. 3. 6. Обрядъ опахиванія села. Русальское загов. Сказаніе объ Іоаннѣ Златоустѣ (объ его золотыхъ «усахъ»). Легенда о дорогахъ.

№ 16. » » Раненбургскаго у., с. Лебяжье. Соб. уч. г. *Михайловъ*. 1. 2. 4. (разсказы). 6. Свадебные обряды, пѣсни 5. 7. Пѣсни съ нотами. Пословицы. Нѣкоторыя мѣстныя выраженія.

№ 17. Владимір. г., Шуйскаго у., д. Данилово. Соб. уч-ца г-жа *Строева*. 1. 2. 3. 7. Пѣсни семицкія и другія.

№ 18 Смоленск. г., Порѣчскаго у. Ковширская вол. и Юхновскаго у. Знаменск. вол. Соб. уч. г. *Кузнецовъ*. 7. Пѣсни волочебниковъ съ нотами. Никольскія легенды. 4. 6. Лѣчебныя травы 8.

№ 19. » » Ельнинкаго у. Волко-Егорьевская вол. Соб. г-жа *Новицкая*. 4. 6. Заговоръ противъ опухоли во рту.

№ 20. Калужской г., Мещовскаго у., Утешевская вол. Соб. уч. г. *Мошнинъ*. 6. 3. Легенда объ Алексѣѣ, чел. Божіемъ.

№ 21. » » Медынскаго у. Соб. уч. г. *Предтеченскій*. 4. Представленія о смерти и загробной жизни. Похор. обряды. Гаданья. 7. Примѣты. 6.

№ 22. » » Мещовскаго у., с. Мѣстничи. Соб. уч-ца г-жа *Ландышева*. 1. 2 3. 4. 6. 7.

№ 23. » » Медынскаго у, с. Адуево. Соб. уч. г. *Воронинъ*. 3. 4. 6. 7.

№ 24. » » Соб. законоуч. о. *Смирновъ* и уч. г. *Климовъ*. 1 2. 3. 4. 6. 8.

№ 25. » » Мещовскаго у., с. Барятинское. Соб. уч. г. *Зиновьевъ*. 2. 3. 4. 6. 7.

№ 26. Курской г., Рыльскаго у., с. Переступлино. Соб. уч. г. *Рыжковъ*. 4 (разсказы). 6.

Сверхъ того доставленъ былъ г. *Марковымъ* матеріалъ, собранный имъ въ различныхъ мѣстностяхъ Москов., Смолен., Рязан., Владим. и Калужск. гг. и по содержанію вполнѣ подходящій къ отвѣтамъ на «Вопросные пункты» (№ 27).[1])

---

[1]) Нѣкоторые отвѣты, не вошедшіе въ настоящій сводъ, имѣются въ виду для напечатанія отдѣльно. *Ред.*

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я постараюсь привести въ систему матеріалъ по вѣрованіямъ въ домового, лѣшаго, водяного, колдуновъ, вѣдьмъ и знахарей, что представитъ намъ картину (хотя и неполную) современнаго состоянія этихъ вѣрованій у части великоруссовъ. Свѣдѣнія же по народной космографіи, а также указанія на обряды, совершаемые въ нѣкоторые праздники, и на празднованія, пріуроченныя къ временамъ года, я собралъ въ приложеніяхъ къ этой статьѣ.

I.

Домовой.

Духи, населяющіе жилища, въ огромномъ большинствѣ случаевъ носятъ названіе домового или домового дѣда (25) [1]); кромѣ этихъ въ нашемъ матеріалѣ встрѣчаются имена: доможилъ, хозяинъ (16, 19), домовикъ и жена его домовичка (18, 19), дворный (дворнóй) или дворовый (дворовóй). Два послѣднія названія предпочтительно передъ другими употребляются въ Калужской губ., при чемъ въ одной мѣстности Медынскаго уѣзда названіе «домовой», употребленное вмѣсто «дворовый», считается оскорбительнымъ (21). Другихъ названій, извѣстныхъ въ Великороссіи, какъ напр. подполянникъ, запеченникъ, гуменникъ и т. п., въ нашемъ матеріалѣ не встрѣчается [2]). Иногда домовому духу не дается названія, и, упоминая о немъ, крестьяне говорятъ: «онъ» или «тотъ-то»; это, конечно, не характерно именно для домового, такъ какъ избѣгать произнесенія имени духа—явленіе весьма распространенное (и не только въ Россіи); но этотъ обычай въ данномъ случаѣ мѣшаетъ выясненію вопроса о томъ, населяло ли первоначально «дворъ» нѣсколько духовъ съ различнымъ мѣстомъ жительства (изба, хлѣвъ и проч.), которые впослѣдствіи слились въ одномъ «домовомъ», или наоборотъ, различныя стороны дѣятельности одного оберегателя домашняго очага и хозяйства получили въ народномъ представленіи каждая своего представителя. Домовой находится въ *каждомъ* домѣ, и въ каждомъ домѣ по *одному* домовому. Больше одного домового не уживается въ одномъ

---

[1]) Цифры, приведенныя въ скобкахъ, указываютъ № рукописи, откуда взято сообщаемое свѣдѣніе.

[2]) Есть, впрочемъ, одно неясное упоминаніе объ „овинщикѣ“. (27, Вязем. у. Смол. г.).

домѣ; а сталкиваться двумъ домовымъ приходится въ томъ случаѣ, если при переходѣ дома во владѣніе другого лица новый домовой уже успѣлъ вмѣстѣ съ новымъ хозяиномъ переселиться, а прежній домовой еще не приглашенъ своимъ хозяиномъ слѣдовать за нимъ на новое жилье (2); домовые разныхъ дворовъ обыкновенно враждуютъ между собою, такъ какъ имъ въ заботахъ о своемъ дворѣ часто приходится дѣйствовать въ ущербъ сосѣднему двору (о чемъ ниже).

Итакъ въ большинствѣ мѣстностей, откуда мы имѣемъ отвѣты, извѣстенъ лишь одинъ духъ жилья, котораго мы далѣе и будемъ называть вообще «домовымъ».

Что касается въ частности Мещовскаго уѣзда Калужской губерніи, гдѣ, какъ сказано выше, наиболѣе употребительнымъ названіемъ является «дворный» или «дворовый», то въ однихъ мѣстностяхъ уѣзда духъ, носящій это имя, признается тождественнымъ съ «домовымъ», въ другихъ же — «домовой» и «дворовый» считаются различными духами: первый живетъ въ домѣ и имѣетъ, повидимому, бо́льшее отношеніе къ людямъ, второй живетъ на «дворѣ» и вѣдаетъ скотину. И тотъ и другой находятся опять таки въ *каждомъ* дворѣ (25) [1]). Изъ того же Мещовскаго уѣзда сообщается между прочимъ, что дворный находится въ «каждомъ домѣ, гдѣ есть скотина» (20); къ сожалѣнію, въ этомъ именно сообщеніи ничего не говорится о различіи «дворнаго» отъ «домового», такъ что остается неизвѣстнымъ, существуетъ ли «домовой» въ томъ домѣ, гдѣ нѣтъ скотины, между тѣмъ какъ знать это было бы важно для опредѣленія различія между «домовымъ» и «дворовымъ» и ихъ взаимныхъ отношеній.

Своимъ мѣстопребываніемъ домовой указываетъ на преимущественныя отношенія къ скоту: живетъ на дворѣ, чаще всего въ лошадиномъ хлѣвѣ, гдѣ любитъ сидѣть на переметѣ (1, 11, 13, 16). Но въ числѣ мѣстъ его пребыванія указываются и строенія, имѣющія другое назначеніе въ хозяйствѣ: овинъ, клуни, рига (16, 26). На жительство домового въ самой избѣ нѣтъ указаній: извѣстно лишь, что иногда онъ стонетъ въ подпольѣ (избы). Кромѣ того извѣстно, что при сношеніяхъ съ домовымъ обыкновенно

---

[1]) „Кромѣ домового, при каждомъ домѣ есть дворово́й, который ухаживаетъ за всѣмъ, находящимся на дворѣ".

даже оставляютъ избу, напр., въ случаѣ его гнѣва умилостивительную жертву (о чемъ ниже) ему выносятъ въ сѣни (19),—фактъ, заставляющій видѣть въ современномъ духѣ жилья именно «двороваго» духа въ болѣе узкомъ смыслѣ термина (т. е. если «дворъ» понимать не въ смыслѣ всей крестьянской усадьбы).

Въ большинствѣ случаевъ домовой одинокъ или, по крайней мѣрѣ, о семьѣ его ничего неизвѣстно (1). Въ нашемъ матеріалѣ есть только одно косвенное указаніе въ этомъ родѣ, гдѣ сказано, что домовые «плодятся» (3), и одно вполнѣ ясное, идущее изъ Смоленской губерніи, свидѣтельство о томъ, что домовой (тамъ онъ называется хозяиномъ) женатъ, что жена его называется домовичкой и что они имѣютъ дѣтей, плачъ которыхъ иногда можно слышать (19).

Что касается образовъ, въ которыхъ является домовой, то ихъ можно раздѣлить на два разряда: или домовой имѣетъ видъ человѣка, или видъ животнаго. Въ первомъ случаѣ домовой представляется частію «старымъ-престарымъ» старикомъ (11) и притомъ иногда лохматымъ (8), частію же домовой—человѣкъ средняго роста, сутуловатый, широкоплечій, коренастый; обросъ длинной шерстію (по цвѣту шерсти: гнѣдой, вороной, бѣлый или пѣгій—26); одѣтъ въ старый зипунъ и лапти. [1])

Кромѣ роста обыкновеннаго человѣка домовой можетъ имѣть и огромный ростъ, напр. выше дерева, съ сосну ростомъ.

Помимо образа человѣка вообще, преимущественно стараго, домовой является и именно чаще всего въ видѣ какого-либо *извѣстнаго* человѣка, принадлежащаго къ той семьѣ, на дворѣ которой онъ живетъ. Такъ, въ нашемъ матеріалѣ мы встѣчаемся или съ представленіемъ домового въ видѣ *отсутствующаго* члена семьи (мужчины), или съ наиболѣе распространеннымъ и извѣстнымъ въ наукѣ представленіемъ домового въ образѣ хозяина дома, старшаго члена семьи, какъ живущаго, такъ и умершаго. Похожъ на хозяина онъ цвѣтомъ волосъ, одеждой, ростомъ (21) и можетъ явиться въ такомъ видѣ самому же хозяину (16).

На ряду съ человѣческимъ видомъ домовой можетъ принимать

---

[1]) Иногда домовой является одѣтымъ въ непривычный для него костюмъ, который онъ получилъ, очевидно, вполнѣ случайно, а именно—черный фракъ, лаковыя ботинки и черную шляпу (26).

образы кошки, собаки, зайца (16). Насколько естественными являются представленія духа, имѣющаго столь близкое отношеніе къ домашнему очагу, въ образѣ домашнихъ животныхъ, настолько мало понятнымъ представляется упомянутый образъ зайца. Надо замѣтить, что этотъ послѣдній образъ домового является одинъ только разъ въ нашемъ матеріалѣ на всю массу случаевъ перваго рода (т.е. образовъ домашнихъ животныхъ). Домовой, какъ кажется, долженъ былъ уже утратить въ народномъ представленіи характерныя черты своей физіономіи, чтобъ явилась возможность заподозрить домового въ зайцѣ, выбѣжавшемъ съ одного двора и пропавшемъ на другомъ дворѣ, какъ это было въ разсказѣ, который я здѣсь имѣю въ виду.[1]) Какъ въ человѣческомъ видѣ домовой имѣетъ волосы одного цвѣта съ хозяиномъ дома, такъ и цвѣтъ шерсти собаки или кошки, въ видѣ которыхъ онъ является, одинаковъ съ хозяйскими волосами (6). Можетъ быть, въ связи съ представленіемъ домового въ видѣ собаки существуетъ повѣрье о дружбѣ его съ собаками (26).

Что касается способовъ увидѣть домового, то въ нашемъ матеріалѣ сообщаются слѣдующіе. Домового обыкновенно можно видѣть черезъ хомутъ или черезъ хомутъ и борону (16), наконецъ,—съ небольшимъ, но характернымъ видоизмѣненіемъ перваго способа—черезъ хомутъ, при которомъ непремѣнно есть гужи: «чтобъ вышелъ крестъ» (1). Можно также увидѣть его на святой недѣлѣ, смотря по угламъ со свѣчей отъ свѣтлой заутрени: отъ этой свѣчи домовой не можетъ укрыться (21). Днемъ домовой невиденъ (26). Стараться увидать его вообще не слѣдуетъ, потому что онъ очень страшенъ и потому еще, что онъ не любитъ любопытныхъ, «гладитъ» ихъ, обдирая лицо или спину, или, наконецъ, толкаетъ ихъ въ яму, погребъ, сталкиваетъ съ лѣстницы, съ сѣновала и т. п.; поэтому, изъ боязни разсердить домового, не слѣдуетъ выказывать излишняго любопытства и выходить, напр., изъ дому на шумъ, если при этомъ не лаютъ собаки, друзья домового

---

[1]) „Два брата раздѣлились: одинъ переселился на новое жилище. Вскорѣ послѣ этого сосѣди замѣтили, что изъ прежняго дома выскочилъ заяцъ, ударился бѣжать по „порядку“ и пропалъ на новомъ жилищѣ. Это былъ, по ихъ мнѣнію, хозяинъ-домовой. Братъ, который остался на старомъ мѣстѣ, скоро овдовѣлъ и переселился къ брату, уже отдѣленному“ (16).

(26). Такъ или иначе, а увидѣть и даже ощупать [1]) его все-таки удается; такъ, каждый хозяинъ знаетъ своего домового (26).

Теперь обратимся къ занятіямъ домового и его отношенію къ дому и семьѣ. Выше уже было упомянуто, что домовой по современнымъ представленіямъ имѣетъ больше отношенія къ скотинѣ, чѣмъ къ людямъ. Изъ скотины особой любовью его пользуются лошади. Но у него есть также и нелюбимая скотина, именно, несходная съ нимъ самимъ по масти.

Любимый скотъ онъ чиститъ, кормитъ, поитъ, выбирая для него кормъ у нелюбимаго; любимой лошади онъ заплетаетъ гриву, которой обыкновенно и не расплетаютъ хозяева, чтобъ не прогнѣвить домового (22). Если онъ не полюбитъ какого-либо животнаго, то можетъ извести его: онъ гоняетъ нелюбимыхъ лошадей, такъ что тѣ оказываются на утро всѣ въ мылѣ, отнимаетъ у нихъ овесъ, наконецъ, заваливаетъ ихъ даже въ корыто или чанъ, изъ котораго ихъ съ трудомъ приходится освобождать. Такую, пришедшуюся не ко двору или «не въ руку» (16), скотину спѣшатъ продать и справляются у домового, какой масти ему нужно; при этомъ нужно смотрѣть черезъ хомутъ, и домовой, говорятъ, иногда даетъ отвѣтъ съ указаніемъ желаемой масти (16). Кромѣ своихъ, такъ сказать, спеціальныхъ заботъ о скотѣ, домовой не чуждъ заботъ о благосостояніи всего дома вообще (5): охраняетъ домъ, бережетъ отъ бѣды семью и даже посылаетъ ей счастье (2). Являясь сторожемъ хозяйскаго добра, онъ въ случаѣ кражи ходитъ въ домъ вора и воетъ тамъ въ переднемъ углу до тѣхъ поръ, пока воръ не возвратитъ похищеннаго (5,25). Наконецъ, въ случаѣ пропажи скота, онъ иногда отправляется на поиски въ лѣсъ, поля и пригоняетъ его домой (21).

Домовой между прочимъ является и предвѣстникомъ будущаго (обыкновенно будущаго несчастія), что дѣлаетъ или по своей собственной иниціативѣ, или же бываетъ вызванъ на это. Такъ, когда онъ ночью «наваливается» на спящихъ, то его можно спросить: «къ добру, или къ худу?» и получить тотъ или другой отвѣтъ. Отвѣчаетъ онъ или прямо, человѣческимъ голосомъ, или условно: если ему надо отвѣтить «къ добру» — онъ молчитъ [2]), въ

---

[1]) какимъ способомъ, неизвѣстно.

[2]) или дышитъ теплымъ воздухомъ на спящаго, какъ мнѣ извѣстно.

противномъ случаѣ—издаетъ звукъ «х» (26). Передъ бѣдою, напр., передъ покойникомъ, пожаромъ, онъ окликаетъ хозяевъ, плачетъ и стонетъ подъ поломъ. Самое появленіе домового въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считается предвѣстіемъ бѣды, большею частію смерти; въ этомъ случаѣ онъ является въ видѣ хозяина, или умершаго дѣда, или хозяйскаго сына. Знаніемъ домовымъ будущаго можно воспользоваться и слѣдующимъ образомъ. Иногда въ различныхъ частяхъ жилья вдругъ слышится—и слышится всегда только одному лицу—плачъ ребенка: это плачетъ дитя домового; въ этомъ случаѣ можно покрыть платкомъ то мѣсто, откуда слышится плачъ (скамью, столъ, кустъ, если дѣло происходитъ внѣ избы), и «домовичка», мать, не находя скрытаго ребенка, отвѣчаетъ на задаваемые ей вопросы, лишь бы только открыли ребенка; спрашивать въ этомъ случаѣ можно все, что угодно (19).

До сихъ поръ домовой являлся у насъ болѣе или менѣе добрымъ существомъ, расположеннымъ къ людямъ; но онъ не всегда добръ. Въ перемѣнѣ же отношеній его къ людямъ виноваты бываютъ обыкновенно послѣдніе. Обидѣть его можно, между прочимъ, божбой, бранными словами, произносимыми за ѣдой и т. п. (18). Обиженный домовой или вымѣщаетъ свою злобу на скотинѣ [1]) или чаще, по своему миролюбивому характеру, просто уходитъ изъ дому и уходитъ на бѣду семьѣ и дому: обитатели дома по его уходѣ болѣютъ, умираютъ, на здоровыхъ людей находитъ уныніе, скотина худѣетъ и мретъ (19). Кажется, единственная непріятность, которую онъ причиняетъ людямъ безъ видимой причины, это то, что онъ наваливается на нихъ во время сна и душитъ [2]), при чемъ принимаетъ видъ кошки или лохматаго старика (9).

Такъ какъ обида, причиненная домовому, не влечетъ за собой ничего хорошаго, то его стараются всячески ублажать и въ случаѣ ссоры—возстановить съ нимъ добрыя отношенія тѣмъ или инымъ способомъ. Въ Медынскомъ у. Кал. губ. въ чистый четвергъ втыкаютъ на дворѣ можжевельникъ, подъ верею льютъ святую воду, курятъ ладономъ,—все это домовой очень любитъ (21);

---

[1]) Какимъ образомъ, указано выше.

[2]) Для домового, наваливающагося на спящихъ, мнѣ извѣстно, между прочимъ, названіе „постѣпъ".

въ Мещовск. у. той же губ. передъ масляницей въ заговѣнье ему выносятъ остатки скоромной пищи и оставляютъ ихъ подъ комягой (25); въ Рыльскомъ у. Курской губ. послѣ ужина въ «хорошихъ семьяхъ» на столѣ всегда оставляется на ночь «харчъ» для домового (26). Разсерженнаго домового умилостивляютъ обыкновенно тѣмъ, что отправляются во дворъ съ хлѣбомъ-солью (17). Въ Ельнинскомъ у. Смоленской губ. это называется «относить относы», при чемъ тамъ названный обрядъ совершается слѣдующимъ образомъ: берутъ кусокъ хлѣба, посыпанный солью и завернутый въ чистую бѣлую тряпку, прошитую красной ниткой, выходятъ въ сѣни или на улицу (на перекрестокъ) и, положивъ на что-нибудь хлѣбъ-соль въ тряпкѣ, кладутъ четыре земныхъ поклона на всѣ стороны, читаютъ Отче нашъ, а также заклинанія, призывающія «хозяина» возвратиться въ домъ и переложить гнѣвъ на милость; бѣлая тряпка съ красной ниткой, какъ объясняется, изображаетъ рубаху, жертвуемую домовому; для исполненія этого обряда приглашаются обыкновенно люди, которые «знаютъ» или «шупятъ»; кромѣ Отче нашъ ими читаются еще молитвы къ Б. Матери, Миколѣ Прасковеѣ-Пятницѣ, а также къ семи сестрицамъ, къ бѣлъ-горючъ-камню; текстовъ этихъ молитвъ и заклинаній собирательницѣ не удалось записать (19).

Кромѣ такихъ просительныхъ средствъ, въ случаѣ, если разсерженный домовой начинаетъ тревожить домочадцевъ или мучить скотину, прибѣгаютъ также и къ принудительнымъ средствамъ, обращаются къ какимъ-то другимъ силамъ, которыя заставляютъ его смириться. Интересныхъ фактовъ такого рода можно привести только три: чтобъ усмирить домового, хозяинъ машетъ по всему двору лутошкой (липовой палкой безъ коры—25), или втыкаетъ ножъ надъ дверью (21). или, наконецъ, его усмиряетъ бабка съ помощью наговоренной воды (1). Въ тѣхъ же случаяхъ прибѣгаютъ также къ изображенію мѣломъ крестовъ на потолкѣ, притолкахъ и проч. (2), или къ служенію въ домѣ молебна, окуриванію ладономъ скотины, кропленію ея святой водою (16).

Итакъ, для благополучія семьи весьма важно имѣть домового въ домѣ и сохранять съ нимъ дружественныя отношенія. Поэтому при перемѣнѣ жилища хозяева всегда зовутъ его съ собою съ хлѣбомъ-солью. Приглашеніе производится въ такихъ выраженіяхъ: «иди, хозяинъ, съ нами жить» (16), или: «дворный, дворный, иди

со мной» (12), или: мой домовой, пойдемъ со мной» и т. п. При этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обходятъ три раза вокругъ дома, взявъ въ руки часть навоза (21). Въ Курской губ. при приглашеніи домового ставятъ въ трубу водку и закуску для домового, или берутъ первую ковригу хлѣба, испеченную въ новой избѣ и, вынесши ее на дворъ передъ полуночью и обратившись къ востоку, зовутъ: «хозяинъ, пожалуйте ко мнѣ на новоселье!» Хлѣбъ этотъ вмѣстѣ съ солью ставятъ на ночь на припечкѣ или на столѣ въ избѣ; если все это будетъ тронуто, то, значитъ, домовой являлся (26).

Безъ приглашенія домовой не покидаетъ вполнѣ стараго дома, и потому ему приходится вступать въ споръ съ вновь пришедшимъ домовымъ (7). Неприглашенный домовой жалобно плачетъ (7, 18) и нерѣдко метитъ какъ прежнему, уже выѣхавшему, такъ и новому хозяину дома. Месть его выразится въ томъ, что онъ переведетъ всю скотину на новомъ мѣстѣ (5); новыхъ же хозяевъ онъ щиплетъ по ночамъ до синяковъ или швыряетъ въ нихъ, чѣмъ попало, наваливается на нихъ, душитъ у нихъ скотъ, разбрасываетъ ночью по избѣ дрова, растворяетъ на морозѣ двери, прячетъ разныя вещи,—словомъ, старается выжить новыхъ хозяевъ, чѣмъ бы то ни было.

Въ области повѣрій объ отношеніяхъ домового къ семьѣ я долженъ отмѣтить нѣсколько весьма архаическихъ чертъ, указывающихъ косвеннымъ образомъ на происхожденіе вѣрованія въ домового или, точнѣе сказать, подтверждающихъ наиболѣе достовѣрную теорію его происхожденія. Мы уже видѣли, что въ трогательныхъ заботахъ о своемъ домѣ домовой доходитъ до того, что воруетъ съ чужого двора кормъ для своего скота. Приведу еще факты, указывающіе на то, что чужой домовой считается врагомъ [1]) Отъ чужого домового втыкаютъ надъ воротами чертополохъ (21). Домовой чаще тревожитъ по ночамъ гостей, чѣмъ своихъ (въ этомъ случаѣ для избавленія отъ него втыкается ножъ надъ дверью—21).—На тѣснѣйшую связь домового съ семьей указываетъ также повѣрье о томъ, что голосъ и привычки домового бываютъ похожи на голосъ и привычки одного изъ прапрадѣдовъ (особенно любившихъ хозяйство); напр., если предокъ любилъ

[1]) Ср. *Ковалевскій*. Происх. семьи и собственности, 58 стр.

коровъ, то и домовой любитъ рогатый скотъ (26). Здѣсь интересно припомнить названіе «домовой дѣдъ» и поставить его въ связь съ названіемъ извѣстнаго бѣлорусскаго поминальнаго обычая «дзѣды».

Въ заключеніе изложенія матеріала о домовомъ приведу еще черту его характера. Являясь духомъ не злымъ, онъ большой шутникъ и любитъ попугать, особенно дѣвушекъ, занятыхъ гаданьемъ. Кромѣ того, онъ является (одинъ лишь разъ—26) даже сластолюбцемъ и «не стѣсняется пользоваться чужими (?) женами, на что, впрочемъ, послѣднія не особенно претендуютъ». Эта черта является мнѣ непонятной.

Лѣшій.

Вѣрованія въ духовъ, населяющихъ лѣса, находятся, повидимому, въ болѣе сильной степени разложенія, чѣмъ вѣрованія въ домового. Причиной этого является, кромѣ общихъ и повсемѣстныхъ причинъ разложенія древнихъ вѣрованій, также мѣстное исчезновеніе лѣсовъ. Такъ, въ иныхъ мѣстностяхъ совершенно не знаютъ о лѣшемъ, такъ какъ мѣстности безлѣсныя, въ другихъ слыхали о лѣшемъ, но сами сообщить о немъ ничего не могутъ, а если и сообщаютъ что-либо, то по преданію, по разсказамъ старожиловъ, во времена которыхъ лѣсъ еще не былъ сведенъ.

Лѣсные духи тамъ, гдѣ они извѣстны, носятъ имена: «лѣшій», «лѣсовикъ» (19), а также общее съ домовымъ названіе «хозяинъ» (19). Одиноко стоитъ въ нашемъ матеріалѣ идущее изъ Ельнин. уѣз. Смол. губ. свидѣтельство о томъ, что при хозяинѣ въ лѣсу есть и хозяйка (сравн. идущее оттуда же и также единственное извѣстіе о женѣ домового домовичкѣ—19).

Живетъ лѣшій преимущественно въ глухихъ лѣсахъ (21), а также въ болотахъ (6) и на поляхъ, которыя вмѣстѣ съ лѣсомъ и лугами составляютъ его владѣніе (25), обходимое имъ дозоромъ въ ночное время (15). По другимъ извѣстіямъ власть его ограничивается только лѣсомъ (1).

Въ лѣсу живетъ чаще одинъ только лѣшій, рѣже ихъ нѣсколько; въ послѣднемъ случаѣ надъ ними есть старшіе (2), которымъ иногда дается особое имя «лѣсничаго» (1).

Являются лѣшіе, подобно домовымъ, или въ образѣ животнаго, или въ образѣ человѣка. Къ первому разряду относятся образы краснаго пѣтуха (13), волка, зайца, поросенка (26); являясь въ видѣ человѣка, лѣшій обыкновенно волосатый и нагой, съ длинными бѣлыми волосами и бородой, съ зелеными глазами (6); встрѣчается и величественный образъ старца съ сѣдою бородой и въ коронѣ (2). Роста лѣшій громаднаго, съ дерево или выше, но можетъ стать и маленькимъ (13)—фактъ общеизвѣстный [1]). Надо замѣтить, что лѣшій часто имѣетъ при себѣ кнутъ или дубину.— Кромѣ такихъ образовъ, хотя и человѣческихъ, но все-таки фантастическихъ, лѣшій встрѣчается прохожимъ въ лѣсу также и въ видѣ обыкновеннаго человѣка, напр., старика, въ старомъ кафтанѣ и съ веренькой [2]) худой (17). Весьма часто онъ принимаетъ видъ знакомаго прохожему лица, при чемъ является верхомъ (2, 11), а еще чаще—видъ ямщика, кучера (какъ знакомаго, такъ и незнакомаго), между прочимъ на тройкѣ (8, 16). Срав. кнутъ, носимый лѣшимъ даже и тогда, когда онъ является не въ видѣ ямщика,—видѣ, преобладающемъ вообще въ разсказахъ о продѣлкахъ лѣшаго надъ путниками.

Главное занятіе лѣшаго—охраненіе лѣса (1); въ его вѣдѣніи находятся всѣ лѣсные звѣри и птицы (26) [3]); онъ гоняетъ стада зайцевъ и волковъ, а являясь, между прочимъ, властелиномъ не только лѣса, но и полей, къ этимъ стадамъ онъ присоединяетъ также и стада полевыхъ мышей и крысъ (26) [4]).

Свое присутствіе лѣшій проявляетъ громкимъ свистомъ, хохотомъ, хлопаньемъ кнутомъ или въ ладоши; поетъ пѣтухомъ, кричитъ курицей (17), кошкой, малымъ ребенкомъ (24).

Извѣстное сбиваніе лѣшимъ съ пути прохожихъ объясняется народомъ или злой природой лѣшаго, желаніемъ повредить человѣку (21), или же просто шуткой съ его стороны, при чемъ въ

---

[1]) См. *Аѳанасьевъ*. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. II, 330. *Mannhardt*. Wald und Feldkulte I (Baumkultus), 138—139, каждый со своимъ объясненіемъ факта.

[2]) *Даль*. Словарь, „верёнька ниж. вязанка; влд. кошолка, плетушка... Верёньна или ковшъ, рыболовный снарядъ; плетется изъ ивняку". Наше извѣстіе изъ Владим. губ.

[3]) Сравн. зависимость охотника отъ лѣшаго. *Аѳанасьевъ*. Назв. соч.

[4]) Сравн. *Дикаревъ*. Мышиный царь. Этногр. Обозр., кн. XXIV.

подтвержденіе послѣдняго объясненія прибавляется, что лѣшій по существу добрый и зла не станетъ дѣлать (2, 18). Для того, чтобы сбить съ пути прохожаго, лѣшій прибѣгаетъ къ самымъ различнымъ способамъ. Часто, въ видѣ ямщика, лѣшій предлагаетъ путнику свои услуги подвезти его; если послѣдній соглашается, то въ концѣ концовъ обыкновенно оказывается или сидящимъ на крышѣ мельницы (13), или на плотинѣ надъ самой водой (8), или на вершинѣ высокаго дерева, или, наконецъ, въ какомъ-нибудь отдаленномъ городѣ. Однажды лѣшій (въ образѣ ямщика) повѣсилъ крестьянина, котораго передъ тѣмъ везъ на своей телѣгѣ, за ноги на дерево; въ концѣ же концовъ тотъ очутился въ своей избѣ, привязанный за ноги къ брусу (16). Чтобы заманить въ чащу или оврагъ свою жертву, лѣшій является передъ нею въ видѣ животныхъ, появленіе которыхъ въ лѣсу является страннымъ для прохожаго (въ видѣ пѣтуха, поросенка), и, углубляясь все далѣе и далѣе въ лѣсную глушь, онъ ведетъ за собой и удивленнаго путника; наконецъ, онъ можетъ достичь своей цѣли, вовсе не появляясь передъ человѣкомъ, а какими-либо иными способами. Заманить въ лѣсную глушь онъ особенно любитъ дѣвицъ [1]) и дѣтей, которыя, спустя долгое время, возвращаются оттуда «поврежденными» и ничего не говорятъ о своемъ пребываніи у лѣшаго (19). Уводитъ онъ часто также и скотину, которую бываетъ нелегко воротить назадъ, хотя бы ищущіе и видѣли ее при поискахъ, звали къ себѣ: эти поиски напрасны; пропавшая скотина или не вернется совсѣмъ, или явится сама по истеченіи извѣстнаго срока; въ этихъ случаяхъ, какъ выше было указано, можетъ помочь домовой.

Для заблудившагося въ лѣсу черезъ козни лѣшаго есть средства выйти на дорогу; для этого нужно вывернуть наизнанку одежду (18), или надѣть задомъ напередъ рубаху (26), или правый сапогъ на лѣвую ногу (21), или, наконецъ, нагнуться и посмотрѣть назадъ себѣ подъ ноги (27). Отогнать его можно словами: «приди вчера» (16). О какихъ-либо сношеніяхъ съ лѣшимъ или договорахъ, извѣстныхъ въ этнографической литературѣ [2]),

[1]) Черта, непонятная для *Mannhardt'a*, Baumkultus I, 152. Сравн. *Аѳанасьевъ*. Поэт. воззр. II, 348; III, 33.

[2]) *Аѳанасьевъ. П. В. Харузинъ.* Изъ матеріаловъ, собр. среди крестьянъ Пудожск. уѣз. Олонецкой губ. Труды Эти. Отд., кн. IX.

въ нашемъ матеріалѣ нѣтъ свѣдѣній; однако, сообщается, что лѣшаго можно *позвать* словами «приди завтра», но остается неизвѣстнымъ, какая можетъ встрѣтиться надобность звать лѣшаго. Кромѣ упомянутыхъ выше средствъ избавиться отъ козней лѣшаго, существуетъ средство болѣе новое — молитва (2, 6). Насколько жива память о болѣе древнихъ способахъ, способахъ заклинательныхъ,—среди народа, уже прибѣгающаго въ тѣхъ же случаяхъ къ помощи молитвы, показываетъ одинъ разсказъ, въ которомъ сообщается, что лѣшій не пропалъ, несмотря на молитву путника, а пропалъ лишь послѣ того, какъ тотъ началъ его бранить (17).

Скудный матеріалъ о лѣшемъ я закончу сообщеніемъ еще двухъ фактовъ, гдѣ онъ является полнымъ хозяиномъ лѣса, старающимся не допустить вторженія туда человѣка. Онъ прячетъ топоръ у дровосѣка и тѣмъ сокращаетъ время его разрушительной работы; онъ не любитъ, если кто-нибудь долго остается въ лѣсу, а остающагося тамъ ночевать старается прогнать, бросая въ него сучьями (16, 7).

Водяной и болотный.

Какъ мы видѣли, матеріалъ о лѣсныхъ духахъ по полнотѣ уступаетъ матеріалу о домовомъ; еще менѣе свѣдѣній мы имѣемъ о духахъ водяныхъ.

Воды населяетъ водяной или водяной царь (9); живетъ онъ преимущественно въ омутахъ рѣкъ, глубокихъ лѣсныхъ озерахъ, въ болотахъ, а также близъ мельницъ или даже въ старыхъ пустыхъ мельницахъ (26). Въ большинствѣ случаевъ онъ имѣетъ видъ сѣдого старика, чаще—нагого, рѣже—одѣтаго въ красную рубаху (21). Онъ любитъ выйти изъ воды, стать на какой-нибудь мостикъ или что-либо въ этомъ родѣ, чтобъ умыться и расчесать свою длинную бороду (16). Иногда этотъ древній, худой старикъ является посинѣлымъ и облѣпленнымъ тиной и грязью. Кромѣ такого болѣе обычнаго вида, водяной можетъ имѣть видъ человѣка съ рыбьимъ хвостомъ вмѣсто ногъ (13). Подобно домовому и лѣшему, водяной можетъ являться въ образѣ лица, знакомаго тому, кто его видитъ.

Относительно происхожденія домовыхъ и лѣшихъ въ нашемъ матеріалѣ не было свѣдѣній; о водяныхъ же извѣстно между прочимъ, что они произошли отъ воиновъ фараона, потонувшихъ при переходѣ евреевъ черезъ Чермное море (13).

Водяному подвластны рыбы [1]), лягушки, а также русалки и утопленницы (26). Одинъ крестьянинъ видѣлъ, какъ водяной перегонялъ стадо раковъ изъ одного озера въ другое, при чемъ водяной обратился къ нему съ вопросомъ, хорошо ли его стадо (26).

Водяной въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ является преимущественно злымъ существомъ, такъ какъ всѣ его отношенія къ нимъ ограничиваются тѣмъ, что онъ старается затащить въ глубину купающихся и утопить ихъ. Особенно опаснымъ, въ виду такихъ козней водяного, является купанье въ полдень и полночь; это повѣрье, какъ и повѣрье о томъ, что купаться безъ осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ (особенно въ очень раннее или очень позднее время дня) опасно, существуетъ едва ли не повсемѣстно. Одного мальчика, утащеннаго водянымъ, нашли послѣ долгихъ поисковъ стоящимъ въ тинѣ головою внизъ (5). Исключеніемъ изъ общаго числа людей являются мельники, съ которыми водяной обыкновенно находится въ дружескихъ отношеніяхъ, и отчасти рыбаки, хотя и у нихъ водяной рветъ иногда сѣти (21). Про одного изъ мельниковъ, этихъ постоянныхъ посредниковъ между человѣкомъ и духами, разсказывается, что онъ нырялъ каждый вечеръ въ глубину рѣки и ночевалъ каждую ночь въ гостяхъ у водяного; поэтому на мельницѣ у него всегда былъ порядокъ (21). Мотивъ этотъ очень распространенъ и весьма извѣстенъ; но въ нашемъ матеріалѣ это единственный случай.

Кое-гдѣ сохранились вѣрованія въ болотнаго, точнѣе сказать, кое-гдѣ болотный отличается отъ водяного; въ болотахъ, какъ мы видѣли выше, народная фантазія помѣщаетъ не только водяныхъ, но и лѣшихъ (6). Особый духъ болота отличается отъ воднаго духа своей безвредностью (5). Видъ имѣетъ человѣка съ длинными руками, тѣло покрыто сѣрой шерстью, сзади длинный хвостъ крючкомъ. Этотъ видъ болотнаго приближаетъ его къ чертямъ; и дѣйствительно, если, съ одной стороны, болотный, какъ

[1]) Ловить которыхъ онъ иногда мѣшаетъ людямъ—27.

особый духъ, исчезаетъ изъ народнаго представленія, замѣнившись между прочимъ водянымъ, то, съ другой стороны, и болото, его исконное мѣсто жительства, народъ населяетъ теперь чертями, т.-е. представителями другого порядка вѣрованій—нечистой силы.

Русалки.

Что касается русалокъ, этого наиболѣе поэтичнаго созданія народной фантазіи, то относящійся сюда матеріалъ рисуетъ намъ традиціонную картину. Русалки—нагія женщины („дѣвы“) съ длинными, распущенными, большею частію зелеными, волосами (3, 5, 6); глаза русалокъ горятъ, какъ огни (6). Этотъ, такъ сказать, классическій образъ русалки является иногда нарушеннымъ тѣмъ, что народная фантазія надѣваетъ на нее бѣлую рубашку (24). Красотой своей онѣ привлекаютъ людей и могутъ защекотать ихъ до смерти; наибольшая опасность погибнуть отъ русалки представляется въ полдень и полночь (5). Согласно своей любви щекотать, онѣ носятъ также названіе „щекоталокъ“ (15) [1]).

Въ локализаціи русалокъ является колебаніе: онѣ живутъ какъ въ водѣ, такъ и въ лѣсу и въ полѣ (1, 3). Соотвѣтственно мѣсту жительства русалокъ, ихъ видятъ сидящими на вѣтвяхъ деревьевъ въ лѣсной глуши, гдѣ онѣ смѣшатъ прохожихъ и, завлекая въ глушь, щекочутъ ихъ (6),—или же разсказываютъ, что въ свѣтлыя лунныя ночи русалки играютъ и плещутся въ серебристыхъ волнахъ рѣки или выходятъ на берегъ покачаться на вѣтвяхъ прибрежныхъ деревьевъ и расчесать свои длинные зеленоватые волосы. Желая погубить человѣка, водяныя русалки завлекаютъ и топятъ его (26). Русалки любятъ купаться утренними и вечерними зорями, почему купаться въ то же время человѣку является опаснымъ (5). Такимъ образомъ, купанье на утренней и вечерней зорѣ, какъ въ полдень, такъ и въ полночь представляетъ опасности и со стороны водяного, и со стороны русалокъ.

Итакъ, русалки являются, съ одной стороны, водяными, съ другой—лѣсными духами. Эту двойственность отмѣчаетъ и Аѳанасьевъ [2]), говоря, что русалки весною, „выходя изъ глубокихъ

---

[1]) Сравн. названіе въ Харьк. губ. „лоскоталка“. *Аѳанасьевъ*. П. в. III, 125.

[2]) Повт. воззр. III, 125.

водъ, разбѣгаются по сосѣднимъ лѣсамъ и рощамъ и совершенно смѣшиваются съ лѣсунками“ [1]).

Выше было отмѣчено, что въ нашемъ матеріалѣ нѣтъ указаній на какія-либо женскія олицетворенія спеціально лѣсныхъ духовъ, если не включать сюда жену лѣшаго—„хозяйку“, о которой есть одно лишь извѣстіе (19). Поэтому невозможно видѣть, насколько русалки смѣшались съ женскими лѣсными духами, или, по крайней мѣрѣ, въ какомъ положеніи это смѣшеніе находится въ современныхъ вѣрованіяхъ. Напомню, что между лѣсными и водяными русалками у насъ не дѣлается различія ни во внѣшнемъ видѣ, ни въ занятіяхъ ихъ: и въ лѣсу онѣ не теряютъ своей прекрасной наружности, которой привлекаютъ людей, купаясь при свѣтѣ мѣсяца; въ описаніи ихъ внѣшняго вида нѣтъ ни малѣйшаго намека на ту безобразную черту, съ которой являются лѣсунки (см. сноску). Женскія олицетворенія духовъ (домашнихъ, лѣсныхъ) почти вовсе исчезли изъ народнаго воображенія; русалки, въ свою очередь, не имѣющія соотвѣтствующихъ имъ мужскихъ духовъ, не стали, однако, на мѣсто исчезнувшихъ женскихъ духовъ, населявшихъ прежде воды и лѣса. Локализація же русалокъ и въ водахъ, и въ лѣсахъ представляетъ, повидимому, очень древній фактъ и указываетъ на то, что онѣ не были по своему происхожденію ни духами лѣса, ни духами водъ. Олицетворяя въ русалкахъ души умершихъ, въ дохристіанскую эпоху—всѣхъ вообще, а впослѣдствіи — души младенцевъ, умершихъ некрещеными, или души утопленницъ (26), народъ для разнообразной локализаціи этихъ созданій своей фантазіи, надо думать, находилъ особыя основанія въ различныхъ сторонахъ своего быта (наприм., способахъ и мѣстѣ погребенія и т. п.).

Воспоминаніе о „русальной недѣлѣ“, „великомъ днѣ руса-

---

[1]) „Лѣсунки—лѣсныя дѣвы и жены—то же, что лѣшіе, только въ женскомъ олицетвореніи“; ихъ огромныя длинныя груди, которыя онѣ принуждены закидывать за плечи, чтобъ свободно ходить и бѣгать, по теоріи Аѳанасьева, обличаютъ въ нихъ полногрудыхъ облачныхъ нимфъ, такъ какъ „самыя облака уподоблялись женскимъ грудямъ, проливающимъ изъ своихъ сосцовъ обильное молоко—дождь“ (П. в. II, 343). Mannhardt со своей точки врѣнія объясняетъ эту черту иначе: „ihre grossen Brüste dürften als ein sinnlich symbolischer Ausdruck der Vegetationsfülle betrachtet werden“. Wald u. Feldkulte. I, 147.

локъ", сохранилось между прочимъ въ томъ вѣрованіи, что русалки бѣгаютъ по лѣсамъ и щекочутъ людей особенно, или даже исключительно (1), передъ Троицынымъ днемъ въ Семикъ. Сохранилось оно и въ слѣдующихъ переживаніяхъ. Помимо повсемѣстнаго (напр., даже подмосковнаго) празднованія Семика, по своему характеру уже ничего общаго съ культомъ русалокъ не имѣющаго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пріуроченныя сюда празднества носятъ названія, ясно указывающія на ихъ происхожденіе, а именно: „проводы русалки" (5) и „русальское загованіе" (15) или „заговѣніе" (8). Проводы русалки состоятъ въ томъ, что въ воскресенье передъ Петровымъ днемъ (5) или, въ другой мѣстности, въ воскресенье за Троицынымъ днемъ (8), крестьяне собираются на средину выгона и поютъ пѣсни (тексты ихъ не приводятся, но онѣ могутъ уже и не заключать спеціальнаго содержанія); это называется проводить русалку (5) Русальское загованіе въ Рязанскомъ уѣздѣ справляется слѣдующимъ образомъ. Послѣ обѣдни, едва только успѣютъ крестьяне пообѣдать, какъ нѣсколько лицъ, болѣе другихъ знающихъ народные обычаи и радѣющихъ объ ежегодномъ ихъ выполненіи, начинаютъ бѣгать отъ одного дома къ другому, приглашая молодыхъ бабъ и дѣвокъ на площадь среди села; вскорѣ молодежь, разодѣтая въ лучшіе наряды, сходится въ назначенное мѣсто и проводитъ здѣсь время до вечера въ пѣсняхъ, хороводахъ и играхъ. Въ сумерки дѣлается чучело женщины, называемое русалкой; его несутъ избранныя женщины вдоль села и въ сопровожденіи поющей толпы выносятъ далеко изъ села, гдѣ уже заранѣе бываетъ приготовленъ ребятишками большой костеръ изъ дровъ и хвороста, который, по прибытіи русалки, зажигается; когда онъ достаточно разгорится, въ него бросаютъ чучело и начинаютъ поочередно прыгать черезъ огонь. Каждый, перескочившій черезъ пылающій костеръ, предохраняется тѣмъ самымъ отъ болѣзней, злыхъ духовъ и колдуновъ (15). Надо прибавить, что собиратель записалъ это со словъ старушки, разсказывавшей про „свое", старое время.

II.

Колдуны и вѣдьмы.

Гораздо въ большей неприкосновенности, чѣмъ вѣрованія въ духовъ, сохранились среди народа вѣрованія въ существованіе людей, обладающихъ таинственными знаніями и способностями или находящихся въ сношеніяхъ съ нечистой силой. Насколько еще крѣпки (относительно) эти вѣрованія, указываетъ хотя бы то обстоятельство, что у насъ самый обильный матеріалъ приходится именно на долю этихъ вѣрованій. Одиноко стоитъ заявленіе изъ Раненбургскаго уѣзда (16) о томъ, что вѣрованія въ колдуновъ нѣтъ, но въ знахарей нѣкоторые вѣрятъ. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ на вопросъ о существованіи колдуновъ, получаемъ утвердительный отвѣтъ. Чуть ли не въ каждомъ селеніи оказывается одинъ или нѣсколько колдуновъ, вѣдьмъ, знахарей. Прежде всего, ихъ боятся, избѣгаютъ сношеній съ ними и обращаются къ нимъ въ случаѣ лишь необходимости (о чемъ ниже). Не только среди такъ называемаго народа живы эти вѣрованія, но встрѣчаются также среди интеллигенціи и даже духовенства (25, 26) [1]). При всемъ томъ часто отмѣчается, что колдуновъ, вѣдьмъ и знахарей въ прежнее время было гораздо больше, чѣмъ тѣперь,—такъ самъ народъ отмѣчаетъ постепенное исчезновеніе своихъ древнихъ вѣрованій. Причины уменьшенія числа колдуновъ и вѣдьмъ выставляются различныя: или „попы нашли отъ нихъ заклятье“ (3), или „прежде жить было труднѣе, и поэтому находилось больше охотниковъ съ выгодой продать душу нечистому“ (2), или, наконецъ, „теперь много стало ученыхъ людей, которые и предсказываютъ, когда ведро, когда погода“ (17).

Колдуны и вѣдьмы кореннымъ образомъ отличаются отъ знахарей: первые получили свой даръ отъ нечистаго, вторые—отъ Бога; первые существуютъ на зло, вторые—на пользу людямъ. Сначала мы остановимся на вѣрованіяхъ въ колдуновъ и вѣдьмъ, а затѣмъ перейдемъ къ знахарямъ.

---

[1]) которыя, впрочемъ, несвободны часто и отъ тѣхъ вѣрованій, о которыхъ говорилось до сихъ поръ.

Есть преданіе, что колдуны и вѣдьмы завелись первоначально въ Кіевѣ и оттуда уже разбрелись по всей землѣ (13). Обыкновенно же происхожденіе ихъ народъ не связываетъ ни со своей колыбелью, ни съ какою-либо другой мѣстностью.

Колдуны, иначе вѣдьмаки (18), и вѣдьмы или бываютъ прирожденные, или же родятся обыкновенными людьми, но получаютъ свое знаніе отъ другого колдуна, обыкновенно при его смерти. Въ одной и той же мѣстности могутъ существовать обѣ категоріи колдуновъ и вѣдьмъ; чаще же существуетъ только одна и именно послѣдняя категорія,—другими словами, болѣе распространеннымъ является вѣрованіе въ преемственность колдовства и связанное съ нимъ вѣрованіе въ то, что колдунъ не можетъ умереть, не передавъ кому-нибудь своего знанія. Какъ передаетъ умирающій колдунъ свое знаніе, удобнѣе разсмотрѣть впослѣдствіи, теперь же упомяну о способѣ, которымъ всякій желающій можетъ получить отъ колдуна его чародѣйскую силу; для этого нужно снять съ шеи крестъ, положить его подъ пятку и три раза отречься отъ Бога (5).

Что касается менѣе распространеннаго вѣрованія въ прирожденныхъ колдуновъ и вѣдьмъ, то таковыми считаются или родившіеся отъ колдуна (11), или незаконнорожденные отъ третьяго поколѣнія незаконнорожденныхъ (25); послѣдніе прямо родятся съ хвостами.

Болѣе распространенное вѣрованіе въ то, что колдунъ и вѣдьма получаютъ свой даръ не путемъ наслѣдственности, а путемъ преемства, гармонируетъ съ вѣрованіемъ въ зависимость ихъ отъ нечистой силы; въ виду этой зависимости даже указывается невозможность колдуну родиться на свѣтъ уже колдуномъ: „нечистый не можетъ погубить души невиннаго младенца“ (20).

Узнать колдуна или вѣдьму по внѣшнему виду нелегко (или даже невозможно, 1, 4) тѣмъ болѣе, что они стараются не выдавать себя, ведутъ себя во всемъ такъ же, какъ и обыкновенные люди, напр., для отвода глазъ исповѣдаются и пріобщаются (25). Несмотря на то, колдунъ любитъ при случаѣ показать свою силу. По нѣкоторымъ же чертамъ лица и характера удается заподозрить колдуна: онъ обыкновенно необщителенъ, суровъ въ обращеніи (12, 21), обидчивъ (2, 29); лицо колдуна обыкновенно некрасиво (2), со сросшимися бровями; глаза часто горятъ, какъ

огонь (6,21); онъ не смотритъ прямо, днемъ не любитъ показываться (2); или, наконецъ, онъ постоянно у всѣхъ чего-нибудь проситъ, но надо остерегаться удовлетворять его просьбу, такъ какъ вмѣстѣ съ отдаваемой вещью можно отдать и свое счастье (3). Кромѣ такихъ примѣтъ, существуютъ еще нѣкоторые способы узнать вѣдьму или колдуна. Для этого надо надѣть на себя новое платье и подъ Свѣтлый день итти къ заутренѣ; проходя черезъ извѣстное (въ данномъ селѣ) мѣсто, услышишь ихъ голоса и увидишь ихъ (14); затѣмъ, всякая вѣдьма непремѣнно обернется, если ей показать сзади кукишъ (26); если колдуну подать ножъ лезвеемъ къ сердцу, то онъ уйдетъ прочь съ бранью (5); у вѣдьмы и вѣдьмака въ глазахъ „ангели кверху ногами сдаются“ (кажутся—18) [1]); наконецъ, колдуновъ можно узнать еще потому, что колдунъ передъ другимъ колдуномъ чернѣетъ (20), а вѣдьмъ—по тому, что онѣ иногда ходятъ на четверенькахъ въ одной сорочкѣ и съ распущенными волосами (26). Къ характеристикѣ колдуновъ и вѣдьмъ можно сказать, что они любятъ почетъ и не упускаютъ случая показать свою силу безъ намека, конечно, на то, что она отъ нечистаго (18).

Оборотнями являются почти исключительно вѣдьмы; съ одной стороны у насъ есть свидѣтельство о томъ, что колдунъ можетъ явиться въ видѣ собаки, кошки, свиньи (15), но съ другой стороны другое свидѣтельство говоритъ, что колдунъ (не вѣдьма) не можетъ перемѣнить своего человѣческаго образа (11); оба факта единичные во всемъ матеріалѣ.

Вѣдьма обращается въ свинью и ночью до полуночи, напавъ на человѣка, любитъ въ такомъ видѣ ѣздить на немъ верхомъ (11, 26). Кромѣ того она можетъ обернуться кошкой (22, черной—25), собакой (20, бѣлой—26) [2]), чаще всего сорокой (19, 26...), а кромѣ того, клубкомъ и рѣшетомъ. Оборотнями ходятъ онѣ по ночамъ до пѣтуховъ. Въ видѣ свиньи и кошки онѣ проникаютъ черезъ запоры; прогнать ее въ этомъ случаѣ можно осиновымъ коломъ (22).

---

[1]) Какъ на практикѣ воспользоваться этой особенностью колдуна, чтобы узнать его, неизвѣстно.

[2]) Однажды вѣдьма, въ видѣ собаки, бросилась въ повозку съ невѣстой; эту собаку избили до полусмерти; на другой день одна старуха на селѣ (подозрѣваемая вѣдьмой) оказалась избитой (20).

Свѣдѣнія относительно существованія хвоста у колдуновъ и вѣдьмъ довольно сбивчивы: то его имѣютъ однѣ вѣдьмы, то также и колдуны (13); то колдуны и вѣдьмы (или однѣ послѣднія) имѣютъ хвостъ лишь въ томъ случаѣ, если они колдуны и вѣдьмы прирожденные, а не получившіе даръ колдовства впослѣдствіи,—то и тѣ и другіе (14); у колдуна не прирожденнаго начинаетъ расти хвостъ съ того времени, какъ онъ впервые примѣнитъ на дѣлѣ полученное искусство; этотъ хвостъ съ теченіемъ времени увеличивается и впослѣдствіи достигаетъ почтенныхъ размѣровъ (15) [1]). Чаще о хвостѣ колдуна ничего не говорится, вѣдьма же, повидимому, всегда представляется съ хвостомъ (съ маленькимъ—26).

Объ отношеніяхъ между собою лицъ, занимающихся колдовствомъ, мало извѣстно. Сюда относятся упоминанія о собраніяхъ вѣдьмъ на горѣ въ полдень (2); въ сборное мѣсто онѣ слетаются сороками. Въ Рыльскомъ уѣз. Курской губ. есть понятіе о Лысой горѣ—надо думать, какъ о мѣстѣ собранія вѣдьмъ (26). Вѣдьмы и колдуны, затѣявъ ссору, ломаютъ другъ другу пальцы; отъ этого остаются такъ назыв. „чертовы пальцы“ (27).

Разсмотримъ теперь, чѣмъ и какъ занимаются колдуны и вѣдьмы и какъ относятся къ обыкновеннымъ людямъ.

Общераспространенное мнѣніе о колдунахъ и вѣдьмахъ то, что они находятся въ сношеніяхъ съ нечистой силой и дѣйствуютъ съ помощью злыхъ духовъ; они, какъ и злые духи, существуютъ на свѣтѣ лишь для совершенія зла (11, 12, 18, 15 и др.). Душа ихъ принадлежитъ нечистому. Получивъ посредствомъ акта богохульства особыя таинственныя знанія и силу и обрекши себя вреду ближнему, вѣдьмы и вѣдьмаки не могутъ уже не употреблять своей силы и не могутъ уже, стало быть, не вредить людямъ, при чемъ примѣнить въ дѣло свои способности они должны непремѣнно извѣстное число разъ въ годъ (15). Какъ *долженъ* колдунъ испортить человѣка, при всемъ нежеланіи этого дѣлать, видно изъ слѣдующаго случая: выдавалъ колдунъ *внучку* замужъ; ему и жаль испортить ее, разстроить свадьбу, но воздержаться

---

[1]) Сравн. *Аѳанасьевъ* П. в. I, 712 о хвостѣ вѣдьмы: „вѣдьмамъ и на Руси и въ Германіи придаются *коровіи* хвосты“.

отъ причиненія вреда свыше его силъ; во избѣжаніе этого, онъ попросилъ сноху запереть себя въ чуланъ на то время, когда пріѣдутъ за невѣстой, и выпустить себя оттуда, когда ее уже увезутъ; по окончаніи церемоніи сноха цѣлый часъ не вспоминала о запертомъ свекрѣ, когда же отперла чуланъ, нашла колдуна мертвымъ (20).

Вредъ, приносимый колдуномъ и вѣдьмой, касается какъ самого человѣка, такъ и его достоянія: они портятъ людей и разстраиваютъ ихъ взаимныя отношенія, изводятъ скотину, отнимаютъ молоко у коровъ и спорость у хлѣба. „Великіе они грѣшники передъ Господомъ, имъ и прощенія не полагается. Вотъ и стихъ про нихъ поется: у Господа три души согрѣшили; первая душа согрѣшила—златъ вѣнецъ разлучила, вторая душа согрѣшила—младенца во чревѣ проклинала, третья душа согрѣшила—въ хлѣбѣ спорость вынимала; этимъ тремъ душамъ прощенія не будетъ“ (15).

Сначала мы обратимся къ тому, какой вредъ они приносятъ людямъ и какими средствами портятъ ихъ. Они насылаютъ болѣзни, сводятъ въ могилу; испорченый начинаетъ чахнуть или дѣлается припадочнымъ (14), или такъ называемой „кликушей“ („крикушей“), т.-е. кричитъ и бьется во время богослуженія и при видѣ иконъ. Порча производится посредствомъ травъ, собираемыхъ ими подъ Ивана Купала (26) [1]), или съ помощью наговоровъ на пищу или питье,—при чемъ при наговариваніи надъ водою опускаютъ иногда въ нее крестъ (9, 11, 15), или же съ помощью заклинаній надъ вещью [2]), принадлежащей ихъ жертвѣ, наконецъ, путемъ осыпанія наговоренной солью порога жилища того лица, котораго хотятъ испортить (1, 19, 21). Болѣзнь они могутъ пустить и по вѣтру (11, 13). Одному крестьянину порча влетѣла въ ротъ, словно муха, послѣ чего онъ два года лаялъ и мяукалъ (6). Особенно часто колдуны сажаютъ своей жертвѣ килы (мясистые наросты на тѣлѣ), прикасаясь къ человѣку палочкой или ударяя его рукой (15 и др.). Наиболѣе характерными средствами порчи

---

[1]) Въ эту же ночь вѣдьмы карауллятъ цвѣтъ папоротника, открывающій людямъ званіе кладовъ и дающій пониманіе рѣчи растеній и животныхъ (26); крадутъ также (для чего-то) уголья изъ костровъ.

[2]) Сравн. *Лѣбохъ*. Начало цивилизаціи, стр. 109.

являются: вынимание слѣда [1]) и вырѣзываніе на стѣнѣ тѣни того человѣка, котораго желаютъ испортить. Вынувъ слѣдъ, т.-е. небольшой пластъ земли съ отпечаткомъ ноги своей жертвы, колдунъ вѣшаетъ эту землю въ мѣшочкѣ въ трубу (26), или кладетъ подъ матицу потолка (1): по мѣрѣ высыханія земли сохнетъ и человѣкъ. Вырѣзываніе на стѣнѣ тѣни употребляется, кажется, лишь по отношенію къ дѣтямъ.

Вообще, колдуны весьма изобрѣтательны и, если хотятъ кого извести, непремѣнно добьются своего. Одинъ колдунъ, желая извести крестьянина, положилъ ему на завалинку ложку съ наговореннымъ масломъ; вполнѣ естественно, что крестьянинъ, проходя мимо, увидѣлъ ложку и съ удивленіемъ взялъ ее съ собой въ избу, чтобъ спросить своихъ домашнихъ, зачѣмъ имъ понадобилось выложить ложку съ масломъ. Этого было достаточно, чтобъ порча возымѣла свое дѣйствіе: крестьянинъ затосковалъ и черезъ годъ умеръ (14). Наконецъ, колдунъ можетъ испортить человѣка путемъ одного лишь разговора съ нимъ.

Особенно часты случаи порчи на свадьбахъ, при чемъ жертвами являются молодые или одинъ изъ нихъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ былъ уже приведенъ выше (о колдунѣ и его внучкѣ); этотъ случай указываетъ на какую-то роковую необходимость для колдуна такъ или иначе помѣшать семейному счастью. Подобные факты разсказываются почти въ каждомъ отвѣтѣ изъ нашего матеріала; большинство ихъ, однако, показываетъ, что колдунъ вредитъ на свадьбѣ большею частію въ отместку за плохое угощеніе или за то, что его не позвали на свадьбу. Часто колдунъ въ такихъ случаяхъ ограничивается тѣмъ, что своей силой останавливаетъ лошадей свадебнаго поѣзда и затѣмъ, какъ бы насладившись плодами своего могущества, пускаетъ ихъ. Приведу одинъ изъ такихъ фактовъ, отличающійся по своему содержанію отъ прочихъ тѣмъ, что здѣсь злая воля колдуна была парализована какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ. Дѣло было такъ. Играли свадьбу и не позвали вѣдьмака. Боятся всѣ гости, что онъ что-нибудь сдѣлаетъ. Былъ въ деревнѣ въ это время прохожій какой-то: „ти солдатъ [2]), ти кто“; тотъ ободрилъ всѣхъ гостей, взялся

---

[1]) Срав. *Аванасьевъ*. II. в. I, 37. (Символическое значеніе слѣда).

[2]) Сравни роль *солдата* въ нашихъ сказкахъ о нечистой силѣ.

самъ быть дружкой. Поѣхали подъ вѣнецъ. Ѣдутъ мимо хаты вѣдьмака; тотъ сидитъ подъ окномъ. Вдругъ лошадь подъ молодыми упала и сразу издохла. Дружка прохожій живо пересадилъ молодыхъ на другую повозку, и поѣхали. Выбѣгаетъ изъ хаты вѣдьмакъ, бросается къ мертвому коню и начинаетъ рвать зубами его мясо: накинулся на него, какъ волкъ на падаль. Выбѣжали за нимъ дѣти—взрослые сыновья—хотятъ оттащить отца отъ лошади и не могутъ: вѣдьмакъ рветъ зубами мясо лошади. Ѣдетъ свадьба назадъ; стали дѣти вѣдьмака просить прохожаго дружка за отца. Тотъ потребовалъ, чтобы были возвращены деньги за павшую лошадь ея хозяевамъ, и потомъ сдѣлалъ что-то (?), и вѣдьмакъ отошелъ отъ лошади, какъ ни въ чемъ не бывало“ (18).

Есть средства уничтожить чары колдуна и тѣмъ спасти молодыхъ отъ порчи. Прежде всего слѣдуетъ избѣгать навлечь гнѣвъ колдуна; для этого его стараются пригласить на свадьбу, радушно угощаютъ и проч. Застраховать молодую отъ порчи можно, натыкавъ иголокъ въ ея платье (21). Съ тою же цѣлью молодымъ при возвращеніи ихъ изъ церкви стелятъ въ дверяхъ овчины, по которымъ они и должны пройти въ избу (3). Наконецъ, въ томъ случаѣ, если порча уже начала дѣйствовать, и молодые стали тосковать или худѣть, то можно «отбаситься» (вылѣчиться) у другого колдуна (5); къ сожалѣнію не указано, какимъ образомъ это дѣлается [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ сторонамъ вредной дѣятельности колдуновъ и вѣдьмъ, приведу еще нѣсколько случаевъ примѣненія колдунами своей силы. Одинъ извозчикъ, встрѣтившись съ колдуномъ въ шинкѣ, несмотря на просьбу колдуна, не поднесъ ему водки; выйдя изъ шинка, онъ никакъ не могъ заставить лошадей своихъ тронуть съ мѣста, пока не вернулся обратно въ шинокъ и не угостилъ разсерженнаго колдуна (16). Двое колдуновъ состязались между собою въ силѣ и оба обратили бѣлую рѣдьку въ черную; такъ какъ одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи изъ черной рѣдьки сдѣлать опять бѣлую, то другой кол-

---

[1]) Замѣчу, что такихъ случаевъ, гдѣ-бы колдуны освобождали молодыхъ отъ нечистой силы, которая строитъ имъ козни, какъ говоритъ *Аѳанасьевъ* (П. в. III, 439), въ нашемъ матеріалѣ нѣтъ. У насъ колдунъ является врагомъ молодыхъ.

дунъ, исполнившій это, былъ очень доволенъ пріобрѣтенной репутаціей сильнѣйшаго колдуна (8).

Выше было упомянуто между прочимъ, что вѣдьмы не любятъ показываться днемъ и обдѣлываютъ свои дѣла чаще по ночамъ. Поэтому запоздавшій прохожій рискуетъ встрѣтиться ночью съ вѣдьмой, которая можетъ свалить его съ ногъ, подкатившись подъ ноги въ образѣ какого-нибудь животнаго, или даже сѣсть на него верхомъ и заставить возить себя (26).

Злыя дѣянія колдуновъ и вѣдьмъ не ограничиваются самимъ человѣкомъ, но распространяются также и на его скотъ. Я имѣю въ виду извѣстное [1]) „отыманіе“ вѣдьмами молока у коровъ, о чемъ у насъ есть свидѣтельства изъ четырехъ мѣстностей (18, 19, 20, 26). Вѣдьма выдаиваетъ чужихъ коровъ или таинственнымъ образомъ, или обыкновеннымъ способомъ. Одинъ крестьянинъ видѣлъ, какъ его сосѣдка, считавшаяся колдуньей, съ подойникомъ въ рукахъ вошла въ хлѣвъ и стала доить только что пригнанную корову его, которая уже нѣсколько дней перестала давать молоко; догадываясь, что сосѣдка отнимаетъ молоко его коровы, слѣдовательно она вѣдьма, крестьянинъ схватилъ ружье и хотѣлъ въ нее выстрѣлить; но вдругъ и корова и сосѣдка раздвоились: появилось 2 коровы и 2 сосѣдки въ разныхъ углахъ хлѣва; не зная, въ какую стрѣлять, онъ опустилъ ружье,—тогда одна пара исчезла; но лишь только онъ хотѣлъ снова выстрѣлить, какъ онѣ опять раздвоились, и такъ продолжалось, пока вѣдьма не кончила доить и не ушла изъ хлѣва (19).

Надо особенно слѣдить, чтобъ вѣдьма не выдоила коровы въ первый разъ послѣ телу: такую корову она будетъ доить цѣлый годъ (26). Отнимаетъ вѣдьма молоко большею частью по ночамъ и особенно въ ночь подъ Ивана Купала. „Чтобъ сдѣлать это, вѣдьма выходитъ рано утромъ въ поле, куда выгоняютъ коровъ на росу. Она окликаетъ коровъ, у которыхъ хочетъ отнять молоко (напр. буренушка! чернушка! и т. д.), а сама въ это время загребаетъ къ себѣ руками росу на травѣ“ (18) [2]).

---

[1]) См. *Аѳанасьевъ* II. в. II, 561.

[2]) „Если вѣдьма будетъ угощать отнятымъ у чужихъ коровъ молокомъ, то его нельзя много выпить“ даже при сильномъ аппетитѣ: вѣдьма завораживаетъ его (18).

Наконецъ, сохранилось еще вѣрованіе въ то, что отнимаемое молоко приноситъ вѣдьмѣ огненный змѣй. Такъ, разсказывается, что работникъ одной женщины, которая вѣдьмовала, „замѣтилъ какъ-то, что хозяйка ставитъ въ нежилой хатѣ пустыя крынки; на утро всѣ крынки оказались полными молока. Онъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и въ другой разъ, когда вѣдьма поставила тамъ же пустыя крынки, закрестилъ ихъ знаменіемъ креста. Змѣй не могъ налить этихъ крынокъ принесеннымъ молокомъ и разлилъ его по полу избы“ (18).

Я сдѣлаю маленькое отступленіе и изложу здѣсь кстати тѣ немногія вѣрованія въ огненнаго змѣя, которыя находятся въ нашемъ матеріалѣ. Огненнаго змѣя видятъ иногда летающимъ по небу въ видѣ падающей звѣзды съ тою, впрочемъ, разницей, что звѣзда падаетъ сразу, быстро, змѣй же летитъ порывисто, скачками (18) или дѣлаетъ дугообразный полетъ (6). Представленіе о змѣѣ у старика-разсказчика, сообщавшаго вышеприведенныя повѣрья о змѣѣ—слугѣ вѣдьмъ, „связано съ изображеніемъ змѣя на иконѣ Георгія Побѣдоносца и отчасти съ видѣннымъ имъ въ Ригѣ изваяніемъ какого-то морского чудовища“ (18). Разсказывается, что близъ села Ковширъ, Порѣчскаго уѣз., Смоленской губ., когда-то давно лежалъ убитый змѣй. Его хотѣли засыпать землею. Стали возить землю на лошадяхъ; привезутъ, ссыплютъ ее на змѣя, а ее всю такъ и разбрасываетъ. Возили, возили—ничего не могли сдѣлать. Наконецъ кто-то надумалъ возить землю на пѣтухахъ; привезутъ возочекъ (много ли на пѣтухѣ можно свезти!), кинутъ на змѣя, а земля на немъ разрастается; привезли возочковъ десятокъ и закидали змѣя. И теперь тамъ стоитъ курганъ и зовется „змѣемъ“ (18).

Наконецъ, существуетъ повѣрье, что змѣй, въ видѣ огненной массы, летаетъ ко вдовамъ и солдаткамъ, тоскующимъ по своимъ мужьямъ; долетѣвши до избы, змѣй разсыпается и дѣлается затѣмъ человѣкомъ, котораго ждетъ женщина (5).

Вернемся къ вѣдьмамъ. Кромѣ отнятія молока, мы находимъ въ нашемъ матеріалѣ не менѣе извѣстное [1]) вѣрованіе въ отнятіе вѣдьмами спороси у хлѣба (19, 20, 21, 24, 25). Это дѣлается путемъ заломовъ на зеленомъ хлѣбѣ, завязываніемъ „куколокъ“

[1]) Ср. *Аѳанасьевъ*. II. в. III, 596.

во время цвѣтенія ржи, сшибаніемъ ржаныхъ колосьевъ, или же путемъ прожиновъ. Если въ полѣ окажется на хлѣбѣ заломъ, то слѣдуетъ его жать осторожно, чтобъ не срѣзать заломленныхъ колосьевъ; если же рожь съ заломомъ попадетъ подъ серпъ, то жнецъ непремѣнно захвораетъ, и помочь тогда уже ничѣмъ нельзя. То же постигнетъ того, кто отвѣдаетъ хлѣба, испеченнаго изъ зерна, завороженнаго такимъ способомъ. Какъ о средствѣ избавиться отъ губительнаго дѣйствія заломовъ, сообщается объ ихъ „отчитываніи“. Одна колдунья открыла на духу священнику, что имѣетъ дѣло съ чертями и пользуется ихъ услугами; священникъ наложилъ на нее эпитимію и лишилъ причастія. Колдунья долго упрашивала снять съ нея эпитимію, но священникъ настоялъ на своемъ. Желая отомстить, колдунья забралась въ огородъ къ священнику и сдѣлала на капустѣ заломы. Замѣтивъ ихъ, священникъ принесъ въ огородъ книгу и сталъ читать надъ капустой; къ концу чтенія является въ огородъ колдунья и, бросившись въ ноги священнику, молитъ о прощеніи. Священникъ простилъ съ условіемъ никогда больше не дѣлать заломовъ. Но вскорѣ священникъ замѣтилъ заломы на своихъ яблоняхъ. Тотчасъ же сходилъ за книгой и началъ отчитывать ихъ; во время чтенія вновь прибѣгаетъ колдунья и проситъ не дочитывать книги и простить ее. На этотъ разъ священникъ дочиталъ книгу до конца и выгналъ изъ сада колдунью, не простивъ ея. Уничтоживъ затѣмъ заломы, онъ успокоился. Вскорѣ прибѣгаетъ къ нему сынъ колдуньи и проситъ священника пріобщить его умирающую мать. Тотъ долго не соглашался, но затѣмъ исповѣдовалъ и пріобщилъ колдунью. Тогда колдунья сползла съ постели на *порогъ* и умерла въ страшныхъ мученіяхъ (25).

Существуютъ средства предохранить поля отъ порчи со стороны вѣдьмъ, которую онѣ насылаютъ путемъ заломовъ и прожиновъ. Для этого нужно протянуть кругомъ поля нитку или же запречь въ соху трехъ дѣвушекъ или набожныхъ вдовъ и опахать на нихъ поле [1]): какъ черезъ протянутую нитку, такъ и черезъ

---

[1]) Ср. *Аѳанасьевъ*. П. в. III, 790. Этотъ обрядъ опахиванія поля на женщинахъ напоминаетъ обрядъ опахиванія села во время эпидеміи или падежа скота; несомнѣнно, оба эти обряда родственны по происхожденію. Объ обрядѣ опахиванія села у насъ есть нѣсколько свѣдѣній. Пользуюсь случаемъ изло-

борозду, проведенную послѣднимъ способомъ, вѣдьма не переступитъ (20).

Покончивъ съ дѣйствіями колдуновъ и вѣдьмъ, клонящимися ко вреду человѣка, укажу нѣкоторые случаи, гдѣ сила ихъ пріобрѣтаетъ служебный по отношенію къ человѣку характеръ, и гдѣ колдунъ уже приближается къ знахарю. Такъ, при желаніи, можно войти съ колдуномъ въ соглашеніе и при помощи его таинственныхъ средствъ заставить желаемаго человѣка полюбить себя или возненавидѣть кого-либо (11); кромѣ этихъ „приворотовъ“ и „отворотовъ“ колдунъ можетъ еще быть полезенъ при пропажѣ указаніемъ похитившаго лица или мѣста, гдѣ находится пропажа. Но и тутъ злая воля его даетъ себя знать; такъ, разсказывается, что однажды колдунья воспользовалась такимъ обращеніемъ къ ней, чтобъ извести сноху того лица, которое потеряло деньги: деньги были изжеваны телкой, колдунья же указала на сноху, какъ на вора, съ тѣмъ, чтобъ та затосковала и зачахла (16). Сюда же

жить относящійся сюда матеріалъ. Изъ Рязан. у. (14): „Около полуночи бабы, дѣвки и *мужики* собираются за селомъ; всѣ вооружаются топорами, мотыками и т. п. и берутъ съ собою соху. Одна вдовая баба (дочь) впрягается въ соху, а вдова — мать пашетъ. Остальные идутъ вслѣдъ за ними. На перекресткѣ толпа останавливается, и одна изъ бабъ спрашиваетъ: „кто на комъ пашетъ?“ Ей отвѣчаютъ: „мать на дочери“. Послѣ этого всѣ оборачиваются назадъ и съ криками: „сѣки его, руби его!“ начинаютъ рубить землю. Такъ дѣлаютъ на всѣхъ перекресткахъ до тѣхъ поръ, пока не опашутъ всего села. Говорятъ, что плохо бываетъ тѣмъ, которые выйдутъ на встрѣчу этой нечистовой толпѣ“. Собиратель замѣчаетъ, что опахиваніе не повторялось лѣтъ пять (писано въ 1892 г.). Изъ того же уѣзда (изгнаніе злого духа, наславшаго падежъ на скотъ): „Въ назначенный день тайно было оповѣщено всѣмъ *вдовымъ* женщинамъ и дѣвицамъ собраться къ концу села къ 12 час. ночи; замужнія присутствовать на собраніи не могутъ; всѣ женщины и дѣвушки надѣваютъ на себя однѣ чистыя бѣлыя рубашки, расплетаютъ косы и привозятъ соху въ назначенное мѣсто. Въ нее впрягаются четыре старыя вдовицы: одна въ оглобли, двѣ по бокамъ и одна сзади, всѣ же остальныя съ кольями, метлами, рогачами и кочергами идутъ вокругъ сохи и поютъ страннымъ, раздирающимъ душу, напѣвомъ молитву Святый Боже. Въ это время во всѣхъ домахъ должны быть потушены огни... Когда процессія пройдетъ вдоль села и убѣдится въ томъ, что всѣ огни на селѣ потушены, она снова выходитъ вонъ изъ села, и при пѣніи той же молитвы начинается пропахиваніе борозды вокругъ села; если кто случайно встрѣтится въ это время на пути и не исполнитъ нѣкоторыхъ (?) требованій, то его начинаютъ бить чѣмъ попало, такъ какъ видятъ въ немъ злого духа. Проведши борозду во

можно отнести разсказъ о томъ, какъ колдунья, по просьбѣ одной матери, показала ей ея отсутствующаго сына. (Это происходило въ полночь; колдунья совѣщалась о чемъ-то съ налетѣвшей стаей черныхъ птицъ; мать же, желавшую видѣть своего сына, она посадила при этомъ на осиновый колъ.—25).

Теперь мы обратимся къ вѣрованіямъ и обычаямъ, связаннымъ съ кончиной колдуна или вѣдьмы. Повсемѣстно существуетъ повѣрье объ ихъ страшныхъ предсмертныхъ мученіяхъ, продолжающихся до тѣхъ поръ, пока они не передадутъ кому-либо своей силы, своего знанія. Мученія происходятъ отъ того, что таинственная сила колдуна удерживаетъ его въ этой жизни и борется съ природой, со смертью. Поэтому, не передавъ своей силы, колдунъ (вѣдьма) не можетъ умереть, а будетъ мучиться въ безысходной агоніи (22), въ это время тѣло его точатъ черви, по угламъ дома скребутъ кошки... (9).

Ниже будутъ указаны средства, какими можно избавить умирающаго отъ мукъ и дать ему возможность умереть. Но что будетъ съ колдуномъ, если сила его остается при немъ и окружающими не принимается никакихъ мѣръ къ уничтоженію его страданій? На это у насъ есть только одно указаніе, которое я приведу дословно, въ виду неполной ясности заключающагося въ немъ отвѣта на поставленный выше вопросъ: „если колдунъ не будетъ въ состояніи передъ смертью передать свой талантъ другому, то онъ подвергается страшнымъ мученіямъ; приходитъ къ нему домовой его, сдираетъ съ колдуна шкуру и уноситъ туло-

---

кругъ села, женщины опять съ пѣніемъ проходятъ вдоль села, перепахивая дорогу на перекресткахъ и заметая слѣдъ сохи метлами. Этой борозды злой духъ не переступитъ болѣе (15). Изъ Юхновскаго и Вяземскаго уѣздовъ Смол. губ. (18) сообщается о такомъ же обрядѣ съ тѣми отличіями, что участницами являются старухи и молодыя дѣвушки-подростки; впрягается одна женщина хорошей жизни, двѣ другія берутся за обжи; остальныя бьютъ въ заслоны и несутъ съ собою метлы, палки и проч.; поются духовные стихи въ честь Владимірской иконы Б. М., чтимой въ Вязем. у.; всѣ участницы одѣты въ одни бѣлыя рубахи, не подпоясаны и съ распущенными волосами. Изъ Мещовскаго у. Калужск. губ. (25) сообщается о подобномъ обрядѣ, какъ о постоянномъ, пріуроченномъ къ извѣстному дню: „29 іюня, въ день свв. апп. Петра и Павла, запрягаютъ въ соху вдову и съ пѣснями опахиваютъ деревню или село для предохраненія отъ порчи".

вище его къ себѣ, оставивъ одну кожу; конечно, послѣднее бываетъ незамѣтно никому" (1). Фактъ интересный, но весьма неясный.

Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ не находится желающихъ стать преемниками умирающаго колдуна, то всѣ остерегаются брать что-либо изъ его рукъ (21), чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ не принять его силы, и принимаютъ, въ случаѣ необходимости, не иначе, какъ съ крестомъ и молитвой. Колдуну приходится въ этомъ случаѣ прибѣгать къ хитрости. Онъ схватываетъ за руку неосторожно приблизившагося къ нему человѣка и словами: „на тебѣ" совершаетъ актъ передачи своей силы (1). Часто умирающій колдунъ или вѣдьма пользуется неопытностью окружающихъ и выбираетъ своими жертвами дѣтей. Такъ, одинъ маленькій мальчикъ принялъ отъ умирающаго колдуна кружку съ водою; послѣ смерти колдуна, стали слышаться голоса, раздававшіеся изъ этого мальчика: „давай намъ работы, давай намъ работы!" Вскорѣ мальчикъ умеръ (21). Подобный же случай былъ съ дѣвочкой, которой умирающая вѣдьма, когда никого изъ старшихъ не было около, дала баранку; передавъ вмѣстѣ съ баранкой свою силу, вѣдьма тотчасъ же испустила духъ; дѣвочка побѣжала за матерью, работавшей въ полѣ, и между прочимъ показала баранку; мать поняла весь ужасъ случившагося, но помочь уже ничѣмъ было нельзя. Дѣвочка стала вѣдьмой, а бѣсы по ночамъ стали приставать къ ней съ требованіемъ работы; но, такъ какъ дѣвочка ни на кого еще не могла имѣть зла, то и не могла примѣнить въ дѣло своей силы; видя, какъ дочку мучатъ бѣсы, мать рѣшила обратиться къ колдуну; послѣдній избавилъ дѣвочку тѣмъ, что посовѣтовалъ заставить трудолюбивыхъ бѣсовъ вить безконечныя веревки. Впрочемъ, прибавляетъ отъ себя разсказчица, „должно быть мать у нея колдовство-то взяла" (20). Позволю себѣ привести еще одинъ подобный случай. Одна вѣдьма собралась умирать: „умретъ, положатъ ее на столъ, покроютъ, а она черезъ минуту опять живетъ и опять начинаетъ умирать, мечется, охаетъ, кричитъ: „нате! нате!" Разъ шесть она такъ умирала и никакъ умереть не могла, пока правнукъ ея не подошелъ къ ней и не произнесъ: „давай, бабушъ! Священникъ, по просьбѣ внука, *заклялъ* вѣдьму при погребеніи". Вскорѣ мальчикъ (правнукъ вѣдьмы) началъ поражать окружающихъ сверхъестественнымъ знаніемъ и впослѣдствіи сталъ большимъ знахаремъ" (26).

Такимъ образомъ совершается передача колдовства и такимъ-то образомъ появляются на свѣтъ новые колдуны и вѣдьмы.

Выше было упомянуто, что при смерти колдуна окружающими принимаются мѣры къ прекращенію его мукъ. Такъ какъ страданія колдуна происходятъ отъ столкновенія разрушительнаго дѣйствія смерти съ задерживающимъ вліяніемъ колдовской силы, то эти мѣры направлены бываютъ къ тому, чтобы дать выходъ этой силѣ изъ колдуна. Существуетъ повѣрье, что душа человѣка (обыкновеннаго) уходитъ черезъ окно (18) [1]), душу же вѣдьмака или вѣдьмы бѣсы уносятъ въ отверстіе, сдѣланное въ потолкѣ (18). Поэтому, чтобъ дать колдуну умереть, открываютъ потолочину (2, 13, 18, 20 и др.). Другое средство, направленное къ тому же, состоитъ въ томъ, что умирающему подаютъ вѣникъ или подкладываютъ подъ него метелку (2, 13); нечистая сила, выйдя изъ колдуна, садится на вѣникъ [2]); этотъ вѣникъ выбрасывается и зарывается въ землю; мимо того мѣста, гдѣ зарыты такіе вѣники, не слѣдуетъ ходить, чтобъ не пристала порча. У насъ есть разсказъ о томъ, какъ умирающій колдунъ просилъ дать ему вѣникъ, а затѣмъ отдавалъ его назадъ, но никто не рѣшался взять вѣникъ; тогда колдунъ бросилъ его на полъ, и вѣникъ *заплясалъ* по избѣ (21). Есть повѣрье о томъ, что колдуны умираютъ на порогахъ (25).

Хотя колдунъ, умирая, теряетъ, повидимому, свою силу, но тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ быть опаснымъ и послѣ смерти. Даже упоминаются нѣкоторыя средства, гарантирующія безвредность колдуна, уже умершаго. Трупъ одного старика, напр., про котораго ходили „дурные слухи“, по совѣту захожаго солдата (sic) для безопасности былъ окаченъ кипяткомъ изъ трехъ котелковъ, при чемъ послѣ окачиванія изъ третьяго котелка трупъ съ съ шумомъ провалился сквозь землю (2) [3]).

---

[1]) Это повѣрье можно встрѣтить и въ похоронныхъ причитаніяхъ. См. *Барсовъ*. Причитанія сѣверн. края, т. I, Сравн также обычай отворять окно при кончинѣ и при поминкахъ (чтобъ душа могла прійти), напр., въ бѣлорусскомъ обычаѣ, такъ назыв. „дзѣды“.

[2]) Связь нечистаго съ метлой: вѣдьма на помелѣ.

[3]) Характеренъ способъ, которымъ солдатъ узналъ, что покойникъ былъ дѣйствительно колдунъ: онъ повѣсилъ надъ печкой около трубы хомутъ (ср. о домовомъ), черезъ который и видѣлъ, какъ появились „съ рожками“ и, подлетая къ покойнику, *тормошили* его (2).

При похоронахъ колдуна и вѣдьмы, также совершаются различные предохранительные обряды для того, чтобъ они не появлялись послѣ смерти. Съ этой цѣлью трупъ выносится изъ дому и несется далѣе не ногами, а головою впередъ, и на перекресткахъ гробъ поворачивается кругомъ, чтобъ колдунъ не могъ найти дороги (1, 5); при этомъ можно сдѣлать такъ, чтобъ колдунъ по смерти сталъ ходить въ извѣстный домъ: стóитъ только повернуть трупъ ногами къ этому дому (5).

Какъ извѣстно, колдуны и колдуньи — великіе грѣшники передъ Богомъ; кромѣ того, что ихъ ждутъ страшныя муки въ загробной жизни (12), сама земля не принимаетъ богоотступниковъ [1]), и они, какъ тѣни, бродятъ по землѣ (15). Блуждая по землѣ, они подчасъ приходятъ домой за пищей (9); такъ, вѣдьма, въ образѣ свиньи, проникала сквозь запоры и влѣзала ночью въ печь, надѣясь найти тамъ пищу (2). Не имѣя пищи, выходцы изъ могилъ воютъ и пугаютъ людей (3). Чтобъ избавиться отъ такихъ посѣщеній, нужно выставлять на ночь кушанья на окна, съ внѣшней стороны (3). Есть повѣрье, что блужданіе колдуновъ и вѣдьмъ по землѣ продолжается 6 недѣль послѣ ихъ смерти (11); съ другой стороны есть повѣрье, что они являются лишь передъ бѣдою (22). Противъ посмертнаго блужданія колдуновъ и вѣдьмъ не помогаютъ и тѣ заклятья, какія нашли отъ нихъ попы (3); одно изъ такихъ заклятій состоитъ въ чтеніи при похоронахъ вѣдьмы молитвы, въ которой есть слова „вѣдьма и не вѣдьма“ (т.-е. „вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ“—26).

Наиболѣе распространеннымъ средствомъ прекратить выходы этихъ мертвецовъ изъ могилъ — является извѣстное [2]) забиваніе осиноваго кола въ ихъ могилу (2, 5, 9, 15, 22 и др.). Забивается онъ родственниками или близкими умершаго, а также священникомъ при чтеніи особыхъ (?) молитвъ (9).

Выше были не разъ приведены средства избавиться отъ чаръ колдовства (напр., на свадьбѣ). Нѣкоторыя указанія на такія средства, по ходу изложенія, не могли быть приведены; поэтому я перечислю теперь не упомянутыя выше такія средства. Главнѣй-

[1]) „Потому что она *святая*“, объясняетъ *Аѳанасьевъ*.(II. в. I, 142) и напоминаетъ исповѣдь стригольниковъ землѣ.

[2]) Сравн. *Аѳанасьевъ*. II. в. II, 305—308, 407 и др.

шей обороной отъ колдуна и вѣдьмы служитъ крестъ и молитва (13, 15), въ особенности же „Да воскреснетъ Богъ", при чемъ эта послѣдняя молитва дѣлается болѣе дѣйствительнымъ заклинаніемъ, если читать ее до 3-хъ разъ и не съ начала, а съ конца (5). Дѣйствительнымъ средствомъ является также — ударить колдуна или вѣдьму кулакомъ на-отмашь (5, 15), или воткнуть ножъ въ исподъ стола при разговорѣ съ ними (18). Вѣдьма вообще уязвима; ее можно подстрѣлить въ какомъ бы видѣ она ни являлась, при чемъ, хотя стрѣляли, напр., въ собаку, подстрѣленной оказывается какая-нибудь женщина (16, 26). Кромѣ перечисленныхъ средствъ, къ которымъ можно прибѣгнуть непосредственно, въ случаѣ порчи обращаются за помощью также и къ знахарямъ, какъ лицамъ, знающимъ отъ Бога, что въ Смоленской губ. называется „итти въ отходы" (19, о чемъ ниже).

Въ заключеніе очерка о колдовствѣ, замѣчу, что есть люди, которые застрахованы вовсе отъ козней вѣдьмъ. Такими являются первенцы (26). Любопытно, что такое преимущество первородства распространяется и на животныхъ. Собаки никогда не могутъ одолѣть вѣдьмы, даже если она сама обернется собакой, и, хотя всегда бросаются на вѣдьму, но тотчасъ же отскакиваютъ прочь. Однако, вѣдьмы далеко обходятъ такіе дворы гдѣ есть собака, родившаяся первою отъ суки, въ первый разъ щенящейся. Даже лай такихъ собакъ страшенъ для вѣдьмъ. Поэтому вѣдьмы, узнавъ, что гдѣ-нибудь собака принесла въ первый разъ щенятъ, всегда стараются украсть перваго изъ нихъ.

Знахари и знахарки.

Отличіе знахарей и знахарокъ отъ колдуновъ и вѣдьмъ состоитъ въ томъ, что первые имѣютъ знаніе отъ Бога, а не отъ нечистой силы, какъ вторые; поэтому и дѣйствуютъ они не съ помощью злыхъ духовъ, а съ помощью молитвъ, къ которымъ народъ относитъ и заговоры. Дѣятельность ихъ всецѣло посвящена на пользу людямъ. У знахарей также наблюдается преемство, но не въ видѣ таинственной передачи силы, какъ у колдуновъ, а скорѣе путемъ выучки; обыкновенно знахарь передаетъ свои знанія кому-либо изъ своихъ родственниковъ (2). Открывая познанія

свои своему преемнику, знахари отъ прочихъ лицъ держатъ ихъ въ строжайшемъ секретѣ (16). Про этихъ людей, обладающихъ знаніями отъ Бога, говорятъ, что они „знаютъ“ или „шупятъ“ (19), или „знаютъ такое слово“ (16).

Надо, однако, замѣтить, что, не смотря на такія коренныя различія между знахарями и знахарками съ одной стороны и колдунами и вѣдьмами—съ другой,—нерѣдко замѣчается смѣшеніе этихъ двухъ категорій. Смѣшеніе это въ большинствѣ случаевъ выражается въ совпаденіи различныхъ сторонъ ихъ дѣятельности. Какъ примѣръ болѣе глубокаго смѣшенія этихъ классовъ лицъ, приведу существующее въ Смоленской губ. (18) вѣрованіе въ такъ называемыхъ „уроженцевъ“, противополагающихся вѣдьмамъ и вѣдьмакамъ. „Уроженцы“ сильнѣе вѣдьмаковъ; родятся съ хвостомъ; будучи посланы отъ Бога, они не приносятъ людямъ зла, а помогаютъ имъ. Хвостъ (характерная принадлежность нечистой силы и людей, съ ней знающихся), придаваемый уроженцу, ставитъ его скорѣе въ разрядъ колдуновъ, но характеръ дѣятельности его обличаетъ въ немъ знахаря. Что касается этимологіи имени уроженца, то она заставляетъ предположить между вѣдьмакомъ и уроженцемъ первоначальное различіе такого же характера, какъ различіе между прирожденнымъ колдуномъ и колдуномъ, получившимъ свое знаніе впослѣдствіи.

Какъ бы то ни было, но знахари по преимуществу благодѣтели человѣчества.

Въ ихъ дѣятельность входитъ прежде всего лѣченіе болѣзней, почему знахаря и называютъ иногда „лѣчейкой“ (2), и отысканіе пропажи. Помочь знахарь можетъ и въ другихъ случаяхъ и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ, напр., избавить амбары отъ полевыхъ мышей (2) [1]), заговорить клоповъ и таракановъ въ избѣ, чтобъ они не безпокоили домочадцевъ (14); наконецъ, знахарки могутъ узнать будущее посредствомъ гаданія.

Разсмотримъ лѣчебную дѣятельность знахарей и прежде всего отмѣтимъ, что въ этой сферѣ дѣятельности знахари преимущественно являются цѣлителями тѣхъ болѣзней, которыя причинены колдуномъ (килы, порча). Приведу разсказъ о томъ, какъ бабка

---

[1]) Знахарь утопилъ мышей въ рѣкѣ, созвавъ ихъ свистомъ въ очерченный имъ на берегу кругъ, и затѣмъ согналъ ихъ въ воду кнутомъ.

лѣчитъ больного, испорченнаго колдуномъ. Она наливаетъ воды въ чашу, опускаетъ въ воду крестъ, ставитъ на блюдо три зажженныя свѣчи, молится Богу, читая „да воскреснетъ Богъ", псаломъ Давида, Отче нашъ, Богородице Дѣво и всѣ молитвы, которыя знаетъ. Упомянутыя молитвы она произноситъ громко, а затѣмъ говоритъ очень тихо слѣдующія слова: „гробъ да могила— третія кадило". Послѣ молитвы бабка беретъ съ блюда три свѣчи, изъ коихъ каждой капаетъ воскъ (по три капли) въ наговоренную воду. Если эти капли, застынувъ, сойдутся другъ съ другомъ, то желаемый результатъ достигнутъ. Наговоренную воду она даетъ пить больному. Во время наговариванія на воду бабка накликаетъ на колдуна проклятіе, тоску и грусть „съ синихъ морей, съ зеленыхъ луговъ, съ темныхъ лѣсовъ и съ чистыхъ полей" (1).

И прочія болѣзни, полученныя не путемъ колдовства, лѣчатъ знахари и знахарки при помощи наговоренныхъ снадобій (воды и др.), а также при помощи разныхъ травъ (списки ихъ приведены въ рукоп. 6, 8, 18), умываній и заговоровъ [1]). Заговариваютъ зубы „сибирку" (16), рожу, обводя больныя мѣста руками (14); заговоры употребляютъ отъ „летучаго огня" (струпья по лицу—8 при этомъ выводятъ больного подъ вечеръ на улицу и дожидаются первозажженнаго огня или высѣкаютъ изъ кремня искры на лицо больного черезъ сито), отъ крика дѣтей (8, 14), отъ укуса змѣи, отъ бѣшенства (23); заговоромъ останавливаютъ кровь при обрѣзахъ, лѣчатъ бѣсноватыхъ (при чемъ бѣсы кричатъ по адресу знахаря: „дошелъ насъ, сѣдой!"—14). Упоминается одинъ знахарь, который „отписывалъ" лихорадку (16). Умываніе и опрыскиваніе съ уголька употребляются при лѣченіи болѣзней, приключившихся „съ глазу" (16). Этими общими указаніями на сред-

[1]) Вотъ текстъ единственнаго въ нашемъ матеріалѣ заговора „противъ опухоли во рту" (зубной боли): „Заря моя, зорюшка, заря вечерняя, какъ ты утихаешься, какъ ты улегаешься, пускай у (младенца Кузьмы) зубъ желанный утихается, улегается, съ буйной головы, съ ясныхъ очей, съ черныхъ бровей, съ ретивого сердца, съ жилъ, съ поджилъ, съ составъ, съ полуставъ. Зубище, зубище, иди ты на дубище; не пойдете на дубище, — пойду къ Господу Богу, къ Михаилу Архангелу. Михаилъ Архангелъ возьметъ острую мечу, высѣчетъ, вырубитъ, корень вашъ вырубитъ съ сучьемъ, съ вѣтьемъ, съ зеленымъ листьемъ. Какъ дубу не стоять, зелеными вѣтвями не махать, такъ этому зубу по костяхъ не ходить, костей его не ломить, бровь его не томить. Во имя Отца и Сына и святого Духа (2, Смол. г., Ельн. уѣз.).

ства лѣченія, въ виду ихъ общей извѣстности, я и ограничусь: рукописи, заключающія матеріалъ по этому вопросу, указаны мною въ предисловіи. Укажу лишь еще на обычай протаскивать ребенка „на здоровье“ сквозь расколотое вдоль тонкое дерево въ лѣсу (8) и на „опахиваніе на помелѣ“, какъ лѣчебное средство (6). Послѣдній обрядъ состоитъ въ томъ, что къ парню во время болѣзни, бывающей, какъ говорятъ, передъ ростомъ усовъ, приглашаютъ дѣвушку—знахарку; дѣвушка, расчесавъ свои волосы и накрывшись полотномъ, садится верхомъ на помело и скачетъ кругомъ больного парня три раза, приговаривая: „здравствуй, добрый молодецъ! Тебѣ, молодцу, усъ да борода, а мнѣ честь да красота!“

Что касается нахожденія знахарками и знахарями пропажи или, лучше сказать, иносказательнаго указанія мѣста ея нахожденія, то въ этомъ случаѣ ими употребляются или карты, или бобы, или стаканъ съ водою, въ который смотрятъ, чтобъ указать мѣсто, гдѣ скрывается пропавшая вещь (11). Ворожба на водѣ употребляется также въ случаѣ надобности кого-либо „приворожить“, а карты и бобы—какъ средство гаданія о будущемъ (15),—здѣсь уже знахарки обращаются въ простыхъ гадалокъ.

II.

Нечистая сила.

Уже при поверхностномъ знакомствѣ съ народными вѣрованіями, даже въ предѣлахъ нашего скуднаго матеріала, можно замѣтить что они находятся въ настоящее время въ состояніи разложенія; при болѣе близкомъ ихъ изученіи оказывается, что, кромѣ того, они подверглись и продолжаютъ подвергаться существенной переработкѣ. Переработка эта началась съ укорененіемъ въ народныхъ массахъ христіанскихъ понятій и заключается въ томъ, что древніе объекты вѣрованій, древніе духи, не были вытѣснены новыми религіозными представленіями, но, ужившись на ряду съ ними, теряютъ свой прежній характеръ. При торжествѣ новой религіи часто бываетъ, что прежніе предметы обожанія становятся въ разрядъ противниковъ новаго божества или новыхъ божествъ; такъ

было съ древне-греческими хтоническими божествами при появленіи олимпійскихъ боговъ, бывшихъ уже плодомъ болѣе чистой абстракціи въ представленіи грековъ; подобный процессъ совершился въ религіозныхъ вѣрованіяхъ индусовъ еще въ ведійскую эпоху; такъ было и у насъ на Руси по распространеніи христіанства. Образъ злого духа, выработанный въ христіанской догматикѣ,—образъ діавола—сильно повліялъ на народное воображеніе и породилъ весьма многочисленныя и разнообразныя вѣрованія въ нечистую силу. Къ этому-то разряду „нечистыхъ“ духовъ и стали относиться мало-по-малу древніе духи—хранители домашняго очага, духи, населяющіе лѣса, воды. При этомъ надо замѣтить, что чѣмъ крѣпче держалось древнее вѣрованіе въ такого духа, тѣмъ чаще и тѣмъ сильнѣе перерабатывалось оно въ указанномъ смыслѣ При изученіи современныхъ вѣрованій необходимо приходится считаться съ этой стороной дѣла, такъ какъ свѣдѣнія, получаемыя между прочимъ и изъ нашего матеріала, указываютъ, что вѣрованіе въ нечистую силу красной нитью проходитъ по всѣмъ остальнымъ народнымъ вѣрованіямъ. Такъ, вѣра въ колдовство теперь уже неразрывно связана съ нею; многія черты домового, лѣшаго, какъ мы увидимъ ниже, являются болѣе новыми и заимствованными ими у злыхъ, нечистыхъ духовъ.

При такомъ смѣшеніи двухъ порядковъ вѣрованій, существующемъ въ народномъ представленіи, мы и въ нашемъ матеріалѣ часто находимъ лишь одну категорію духовъ, именно нечистыхъ, куда относятся на ряду съ чертями и домовые, и лѣшіе, и водяные. Въ этомъ случаѣ имъ дается иногда общее названіе „недобрики“ (Рязан. губ.) [1]). Яснымъ выраженіемъ такого синкретическаго представленія является приводимое Аѳанасьевымъ („Поэт. воззр.“) преданіе о томъ, что изъ падшихъ ангеловъ, по низверженіи ихъ съ неба, одни упали въ лѣса, другіе въ воды, третьи въ жилые дома: такъ произошли лѣшіе, водяные, домовые. Глубокой стариной дышитъ обыкновеніе скрывать имена духовъ, бояться ихъ произнесенія и давать имъ иносказательныя названія, какъ напр. „анчутка, врагъ“ или „онъ, тотъ-то“ [2]), которыя озна-

[1]) Другое названіе „шутики“ (Зарайск. уѣз., 27) указываетъ, что нечистые „могутъ лишь шутить, а серьезнаго зла не дѣлаютъ“.

[2]) Въ качествѣ бранныхъ словъ въ той же мѣстности употребляются: демонъ, идолъ, дьяволъ (18).

чаютъ какъ чертей, такъ и домовыхъ съ лѣшими и водяными; лишь на прямо поставленный вопросъ: „кто же именно, наприм., наваливался ночью на спящаго кошкой?"—отвѣчаютъ: „домовой, дворный".

Однако, наряду со смѣшеніемъ духовъ различныхъ категорій извѣстно и строгое ихъ разграниченіе, при которомъ домовые, лѣшіе не считаются злыми, нечистыми духами. Въ такомъ болѣе или менѣе чистомъ видѣ ихъ можно видѣть во многихъ вышеприведенныхъ повѣрьяхъ.

Теперь я приведу вкратцѣ то, что извѣстно изъ нашего матеріала о происхожденіи и дѣятельности злыхъ, нечистыхъ духовъ и возьму тѣ повѣрья и разсказы, гдѣ они являются внѣ слiянія съ домовыми, лѣшими и проч.

Нечистые, черти, бѣсенята (2) являются арміей злого духа, свергнутаго Богомъ съ неба за то, что тотъ, желая сравниться съ Богомъ, сталъ строить себѣ престолъ; при этомъ отъ имени его „Сатанаилъ" Богъ отнялъ окончаніе „илъ", и злой духъ сталъ называться „Сатана" (22).

Есть одна легенда о томъ, какъ сверженный сатана добился все-таки того, что люди поминаютъ и его въ качествѣ участника въ твореніи міра. Въ ней разсказывается слѣдующее. По сотвореніи Богомъ міра, къ Нему явился сатана съ вопросомъ, каковы будутъ устроены Имъ дороги для человѣка? Богъ отвѣчалъ, что дороги, какъ и подобаетъ имъ быть въ мірѣ, сотворенномъ на блаженство человѣку, должны быть удобны, прямы, ровны и широки. Сатана умолялъ Бога сдѣлать на ряду съ хорошими и плохія дороги. Богъ уступилъ просьбамъ сатаны,—и теперь, проѣзжая по хорошей дорогѣ, люди прославляютъ Бога и бранятъ сатану на плохихъ дорогахъ (15). Ставши при самомъ твореніи міра врагомъ человѣка, сатана и его сообщники продолжаютъ вредить ему и мѣшать въ достиженіи его желаній; напр., даже клады, до которыхъ такъ падокъ человѣкъ и отыскивать которые онъ старается съ помощью травъ и другихъ чаръ, — эти клады оберегаются чертями (5).

Черти-оборотни; принимая различные образы, какъ звѣриные, такъ и человѣческіе, они являются чаще всего въ видѣ волосатаго, покрытаго шерстью старика, съ хвостомъ и руками (19). Особымъ мѣстопребываніемъ чертей повсемѣстно считаются болота.

Весьма распространено вѣрованіе о борьбѣ божественной, свѣтлой силы съ нечистою. Борьба эта выражается въ грозѣ: ангелы и Илія пророкъ со своей громовой колесницы мечутъ огненныя стрѣлы-молніи въ нечистыхъ духовъ [1]). Поэтому черти боятся грозы и, обратившись въ кошекъ и собакъ (2, 5), стараются укрыться въ это время въ жильѣ человѣка. Чтобы обезопасить домъ свой отъ грозы, крестьяне обыкновенно выгоняютъ кошекъ и собакъ изъ избы. Повѣрье о боязни чертей грозы легло въ основу многочисленныхъ сюжетовъ для разсказовъ о томъ, какъ черти въ различныхъ образахъ просили пріютить ихъ отъ нея, то въ жильѣ, то въ полѣ подъ телѣгой, куда спрятался отъ дождя путникъ и т. п. Обыкновенно, случайное произнесеніе имени Божьяго собесѣдникомъ черта заставляетъ исчезать этого послѣдняго.

Средствомъ оградиться отъ нечистаго является молитва и крестное знаменіе. Есть молитвы, обладающія особенной силой: сюда прежде всего относится „да воскреснетъ Богъ“.

Я позволю себѣ привести содержаніе одного разсказа, изъ котораго мы узнаемъ, что надъ чертями есть старшіе, которые надзираютъ за дѣятельностью своихъ подчиненныхъ и отбираютъ у нихъ отчетъ въ ихъ дѣйствіяхъ, враждебныхъ человѣку. Разсказывается, что инокъ одного монастыря однажды безъ молитвы зачерпнулъ изъ колодца ведро воды; но дорогѣ отъ колодца монахъ споткнулся и разлилъ всю воду. Вернувшись обратно, онъ почерпнулъ въ другой разъ и опять безъ молитвы; возвращаясь, онъ замѣтилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было разлито первое ведро, плачущаго ребенка. Изъ жалости онъ взялъ его въ монастырь, гдѣ мальчикъ былъ воспитанъ и впослѣдствіи сталъ большимъ грамотеемъ и начетчикомъ. Занимаясь, между прочимъ, переплетомъ книгъ, онъ, переплетая монастырское евангеліе, вписалъ въ него слова: „разрѣшается законный бракъ владыкѣ“, т.-е. архіерею. Евангеліе попало къ одному архіерею, который, прочитавъ вписанныя слова и принявъ ихъ за истину, собрался жениться. На свадьбу стала собираться вся епархія. Въ числѣ другихъ и одинъ дьячокъ отправился ко владыкѣ на свадьбу. По дорогѣ онъ остано-

[1]) „Стрѣлы“ эти находятъ и лѣчатся ими отъ колотья въ боку. 20. См. прим. I.

вился ночевать; въ самую полночь, какъ только пропѣли пѣтухи, налетѣли въ избу нечистые, и старшій, командующій всѣми, сталъ отбирать отъ нихъ отчетъ, кто и что успѣлъ сдѣлать... Одинъ изъ нечистыхъ сталъ хвалиться, что живетъ при архіереѣ и до того соблазнилъ его, что тотъ женится; дѣло въ ходу, — только нельзя нечистому быть при немъ въ херувимскую пѣснь: ему дѣлается тошно и онъ выходитъ тогда изъ церкви. Дьячокъ, подслушавъ это, рѣшилъ спасти отъ дьявольскихъ козней архіерея. Пришедши въ городъ и съ большимъ трудомъ добившись аудіенціи у владыки, онъ разсказалъ ему о своемъ видѣніи. Архіерей приказалъ запереть двери храма во время херувимской и никого не впускать и не выпускать. Какъ только на клиросѣ запѣли „иже херувимы", вдругъ монахъ-переплетчикъ, бывшій подлѣ архіерея, какъ вихрь, съ крикомъ взвился подъ куполъ, пробилъ сводъ и вылетѣлъ вонъ. Тутъ архіерей вполнѣ убѣдился въ томъ, что это былъ за монахъ, раздумалъ жениться и самую книгу, введшую его въ заблужденіе, велѣлъ сжечь (8).

Черти, какъ жители ада, имѣютъ, повидимому, близкое отношеніе къ загробнымъ мученіямъ грѣшниковъ. Такъ, однажды нечистый въ видѣ кучера на тройкѣ предложилъ прохожему крестьянину, большому пьяницѣ, подвезти его по дорогѣ. Дорогой завязялся разговоръ. Нечистый открылъ между прочимъ сѣдоку, что лошади, составляющія тройку, не простыя: всѣ онѣ оказались недавно умершими насильственной смертью горькими пьяницами, которыхъ зналъ и съ которыми пивалъ сѣдокъ (это были: священникъ, дьяконъ и дьячокъ). Открывъ это, нечистый еще пуще сталъ нахлестывать лошадей. Пьяница изумился: „неужели на томъ свѣтѣ на людяхъ ѣздятъ?"—„А развѣ будемъ баловать? Куда же намъ дѣвать такихъ!" отвѣтилъ нечистый.—„Господи!" вырвалось у сѣдока... Мигомъ все пропало—и тройка, и кучеръ, а самъ пьяница очутился сидящимъ на высокой плотинѣ надъ омутомъ (8, 27).

Вѣра въ нечистую силу крѣпко держится въ народѣ, даетъ ему объясненіе нѣкоторыхъ явленій природы, указываетъ виновника людскихъ невзгодъ и неудачъ и проч. Если припомнить, что въ разрядъ вѣрованій въ нечистую силу входятъ постепенно такія вѣрованія, которыя первоначально не имѣли съ ней ничего общаго, то можно сказать, что эта вѣра даже развивается. Но

съ другой стороны, мы встрѣчаемъ характерное повѣрье, что черти стали теперь переводиться (13), прежде же всей „нечисти“ было гораздо больше: такъ самъ народъ отмѣчаетъ признаки исчезновенія своихъ вѣрованій. Теперь эта нечисть заклята нѣкіимъ святымъ (26). Разсказывается преданіе о какомъ-то отдаленномъ времени, когда существовала болѣе тѣсная связь между человѣкомъ и духовнымъ міромъ; тогда по землѣ ходили съ одной стороны Богъ и святые угодники, а съ другой бѣсъ и нечистая сила, но Іисусъ Христосъ „усихъ позаказалъ ходить“ (19).

Изъ всего вышесказаннаго ясно лишь то, что злые, нечистые духи—исконные враги Бога и человѣка, ведутъ происхожденіе отъ падшихъ ангеловъ и находятся въ борьбѣ съ божественной силой. Если въ произведеніяхъ народнаго творчества, въ сказкахъ, чертъ является большею частью въ комическомъ видѣ простака и жертвы людскихъ обмановъ [1]), то въ повѣрьяхъ, относящихся до мелкихъ подробностей обыденной жизни народа, онъ—врагъ и врагъ сильный, упорно стремящійся вредить людямъ всевозможными средствами и во всякое время.

Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, были ли въ языческую эпоху славянства, въ частности Руси, даны условія для образованія подобнаго типа злого духа, т.-е. наслоились ли черты діавола въ христіанскую эпоху на какого-либо демона языческой эпохи, или же вѣрованія въ нечистаго духа развились всецѣло изъ христіанской догматики; вмѣстѣ съ тѣмъ остается въ сторонѣ вопросъ о томъ, имѣетъ ли теперешній дуализмъ, существующій въ народныхъ вѣрованіяхъ и выражающійся въ представленіи о борьбѣ божественной силы съ нечистою,—имѣетъ ли этотъ дуализмъ основы въ языческихъ дуалистическихъ вѣрованіяхъ [1]). Какъ бы то ни было, черты типа злого духа, чёрта, какъ врага креста, какимъ онъ является въ современныхъ повѣрьяхъ, указываютъ если не на возникновеніе, то во всякомъ случаѣ на коренную переработку его уже въ христіанскую эпоху.

Принимая обликъ нечистой силы, наши древніе духи, духи очага, лѣсовъ и друг. взяли у нихъ ихъ злую природу и антаго-

---

[1]) См. *Аванасьевъ*. Поэт. возз. т. II, 750.

[2]) Ср. съ одной стороны *Аванасьевъ*. Поэт. воззр. II, 750, съ другой—*Kreck* Einleitung in. d. Slav. Litterat. 404—405.

низмъ свѣту и кресту. Приведу нѣсколько чертъ домового, указывающихъ на то, какъ измѣняется представленіе объ этомъ древнемъ родовомъ духѣ въ сферѣ христіанскихъ представленій. Мы видѣли, что по существу домовой является духомъ добрымъ, ласковымъ, доброжелательнымъ къ семьѣ, полнымъ трогательныхъ заботъ о домашнемъ скотѣ. Онъ становится злымъ, если его перестаютъ холить и ублажать. Въ обрядахъ, совершаемыхъ для поддержанія дружественныхъ отношеній къ домовому, необходимыхъ для благополучія семьи, мы встрѣтили такія вещи, любимыя домовымъ, какъ: можжевельникъ, втыкаемый на дворѣ въ великій четвергъ, святую воду, выливаемую подъ верею, куреніе ладономъ. На ряду съ этими (и съ другими, еще болѣе архаическими средствами заклинательнаго характера, напр. «относы» Смол. губ.) являются средства заставить смириться разбушевавшагося домового,—средства болѣе новыя, какъ изображеніе мѣломъ крестовъ на потолкѣ, окуриваніе ладономъ скотины и кропленіе ея святою водой: тѣ же предметы, которые въ извѣстную эпоху стали употребляться въ культѣ домового, какъ ладонъ, святая вода и т. п., съ теченіемъ времени являются уже какъ разъ съ обратнымъ назначеніемъ т.-е. не умилостивить, а усмирить домового.

Молебенъ, теперь служимый въ домѣ для избавленія его отъ козней домового (уже злого духа), первоначально не былъ для него страшенъ, пока онъ сохранялся въ болѣе чистомъ видѣ духа, оберегателя домашняго очага; переживаніемъ этого взгляда на домового осталось повѣрье о томъ, что домовой во время молебна сидитъ на припечкѣ и спокойно смотритъ на семейное торжество (26); тѣ же самые люди, раздѣляющіе такое повѣрье, могутъ при случаѣ обратиться къ молебну, какъ къ средству противъ домового.

Мы знаемъ, что домового можно увидѣть черезъ хомутъ. И на это повѣрье наслаивается новая черта: сила хомута, отъ которой домовой не можетъ укрыться, заключается, по объясненію народа, не въ немъ самомъ, а въ подобіи креста, образуемомъ двумя торчащими по сторонамъ хомута гужами. (Такое повѣрье мною было выше приведено; существуетъ въ Тульской губ.).

Въ кругу такихъ представленій домовой измѣнилъ частію и свой внѣшній видъ. Онъ, какъ духъ, имѣющій столь близкую связь съ семьей, является чаще въ видѣ хозяина, какъ живого, такъ и

умершаго, даже съ его голосомъ и привычками (26). И тотъ же самый домовой можетъ встрѣтиться уже въ образѣ черта съ хвостомъ и рогами [1]).

Изъ одной мѣстности (26) сообщается, что «домовой креста и молитвы боится, но не въ такой степени, какъ нечистая сила». Дѣйствительно, будучи гораздо древнѣе креста на Руси, онъ сначала не могъ имѣть къ нему никакого отношенія. Съ теченіемъ времени утрата домовымъ оригинальныхъ чертъ и постепенное пріобрѣтеніе имъ облика нечистой силы породило двойственность представленій о немъ. При этой двойственности архаическія черты его физіономіи не стираются совершенно, но живутъ въ народномъ вѣрованіи на ряду съ болѣе новыми представленіями о немъ.

О домовомъ у насъ имѣется сравнительно гораздо больше матеріала, чѣмъ о другихъ духахъ; поэтому и вліяніе вѣры въ нечистую силу на вѣрованія въ древнихъ духовъ яснѣе можно видѣть на типѣ домового. Свѣдѣнія о лѣсныхъ и еще болѣе о водяныхъ духахъ какъ-то блѣдны и отрывочны; они не рисуютъ съ достаточной полнотой современныхъ вѣрованій въ этихъ духовъ и тѣмъ менѣе даютъ возможности отмѣтить измѣненіе ихъ типовъ. А что и они теперь нерѣдко представляются нечистой силой, это видно изъ ихъ боязни креста и молитвы.

Что касается колдовства, то такъ какъ его представители, колдуны и вѣдьмы, являются лишь враждебными человѣку, то они безъ всякаго колебанія признаются противниками божественной, благодѣтельной для человѣка, силы. Вотъ почему вѣра въ колдовство въ томъ видѣ, какъ она сейчасъ существуетъ, находится въ неразрывной связи съ вѣрой въ нечистую силу; но на ней основаны дѣйствія колдуновъ и вѣдьмъ, въ частности ихъ видъ и самое ихъ происхожденіе: припомнимъ ихъ хвосты, помощь имъ со стороны злыхъ духовъ, ихъ боязнь молитвъ (напр. приведенный выше случай „отчитыванія“ священникомъ заломовъ), продажу души дьяволу и проч., а также и то обстоятельство, что неосвященное бракомъ рожденіе дѣтей можетъ повести къ появленію колдуна или вѣдьмы, этихъ „сосудовъ дьявольскихъ“, въ извѣстномъ колѣнѣ. Такова связь вѣры въ колдовство съ вѣрой

---

[1]) Въ Вязем. у. Смол. г. домовые и дворовые считаются душами умершихъ безъ покаянія мужчинъ (27).

въ нечистую силу, хотя несомнѣнно, что колдуны и вѣдьмы существовали гораздо раньше той эпохи, когда могли быть названы „*діавольскими* сосудами".

Въ настоящей статьѣ мною исчерпанъ почти весь матеріалъ по вѣрованіямъ, доставленный въ Этнографическій Отдѣлъ. Я старался между прочимъ указать на то измѣненіе народныхъ вѣрованій, которое началось со времени утвержденія въ народныхъ массахъ христіанскихъ представленій и продолжаетъ совершаться параллельно съ независящимъ отъ послѣднихъ разложеніемъ древнихъ вѣрованій. Теперь я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о характерѣ и значеніи нашего матеріала. Не смотря на свою незначительность, онъ указываетъ все-таки на то, какъ еще живы древнія вѣрованія въ народномъ міросозерцаніи и насколько еще густою сѣтью, хотя и порѣдѣвшею въ теченіе вѣковъ, оно опутано. Спѣшу оговориться и замѣчу, что картина современнаго состоянія народныхъ вѣрованій, вырисовывающаяся изъ всего вышеизложеннаго, есть картина мозаическая, и слѣдовательно нельзя ожидать, чтобы вѣрованія каждаго изъ лицъ, опрошенныхъ собирателями, слагались изъ всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ. Было бы очень интересно сдѣлать попытку прослѣдить географическое распространеніе вѣрованій съ цѣлью дальнѣйшаго изученія условій, способствующихъ или сохраненію, или разложенію ихъ; но дѣлать это на основаніи одного лишь нашего матеріала при такой разнохарактерности составляющихъ его отдѣльныхъ отвѣтовъ, какъ по содержанію, такъ и по объему и по пріемамъ собиранія,—было бы рискованнымъ, въ томъ случаѣ, если бы мы хотѣли получить нѣчто достовѣрное, въ другихъ случаяхъ—безполезнымъ.

Переходя къ другой точкѣ зрѣнія для оцѣнки нашего матеріала, мы видимъ, что онъ не блещетъ новизною сообщаемыхъ фактовъ: почти всѣ они, за исключеніемъ развѣ немногихъ, болѣе или менѣе уже извѣстны въ этнографической литературѣ. Едва-ли можно надѣяться, что и при гораздо большемъ числѣ отвѣтовъ (въ особенности изъ центральныхъ губерній) мы получили бы какіе-либо новые характерные факты, способные подвинуть впередъ рѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ напр. вопросъ о происхожденіи вѣрованій и т. п. Но, конечно, отъ этого не уменьшается интересъ полученныхъ и могущихъ получиться въ настоящее время

свѣдѣній. Современное состояніе народныхъ вѣрованій представляетъ собою извѣстную ступень въ духовномъ развитіи народа, и изученіе одного этапа на этомъ пути развитія, конечно, не можетъ остаться безполезнымъ при отысканіи его законовъ. Сообщаемыя свѣдѣнія указываютъ какъ на забвеніе старинныхъ вѣрованій, такъ и на переработку ихъ; изученіе условій того и другого явленія не только теоретически интересно, но можетъ быть даже и практически полезно. Постоянно указывается собирателями, что носителемъ древнихъ вѣрованій, старинныхъ обычаевъ, преданій является преимущественно женское населеніе: мужчины часто съ презрѣніемъ отсылаютъ собирателя къ „бабамъ“. Но у насъ есть факты, говорящіе за то, что скептицизмъ въ области древнихъ вѣрованій коснулся уже и болѣе консервативнаго элемента — женщинъ (4, 21). Кромѣ столкновенія древнихъ вѣрованій съ христіанскими понятіями, поведшаго къ синкретизму, факторами разложенія этихъ вѣрованій въ крестьянствѣ являются, между прочимъ, отхожіе промыслы, особенно въ города. Надо замѣтить, что городъ взамѣнъ нравственной порчи, которую онъ часто вноситъ въ народъ, въ умственномъ отношеніи даетъ ему болѣе трезвое міросозерцаніе.

Болѣе могучимъ факторомъ здѣсь, конечно, должна явиться школа. Уже въ фактахъ, сообщаемыхъ нашимъ матеріаломъ, замѣтно ея вліяніе на народныя вѣрованія. Но это вліяніе пока еще не достаточное: въ большинствѣ случаевъ, свѣдѣніе, полученное въ школѣ, не устраняетъ стариннаго воззрѣнія, а наоборотъ, оно само искажается подъ вліяніемъ этого послѣдняго. Приведу нѣкоторые факты. Молодое поколѣніе часто помнитъ твердо библейскіе разсказы о сотвореніи міра и другія свѣдѣнія изъ библейской исторіи. Но вопросъ въ томъ, что они вносятъ въ народное міросозерцаніе, въ основу объясненія какихъ явленій они полагаются. И вотъ мы видимъ, что паденіе ангеловъ объясняетъ темному уму, почему повсюду разсѣяна нечистая сила; потонувшіе воины фараона при переходѣ черезъ Чермное море явились родоначальниками водяныхъ; радуга, посланная Ною въ знаменіе того, что больше не будетъ потопа, является въ народномъ представленіи средствомъ, уничтожающимъ самую возможность потопа,—именно тѣмъ, что она пьетъ, вбираетъ въ себя дождевую воду, могущую залить землю (2). Впрочемъ, видѣть въ подоб-

ныхъ случаяхъ исключительное вліяніе школы не приходится, такъ какъ подобныя представленія могли сложиться въ народѣ и литературнымъ путемъ, подъ вліяніемъ апокрифическихъ сказаній.

Съ большей увѣренностью можно видѣть вліяніе школы въ выработкѣ представленій о небесныхъ свѣтилахъ, формѣ земли и явленіяхъ природы. И здѣсь дѣло не обходится безъ искаженія свѣдѣній, полученныхъ въ школѣ; и здѣсь еще не видно ихъ полной побѣды надъ традиціонными воззрѣніями. Приведу примѣръ. Молодому поколѣнію извѣстно уже, что звѣзды отстоятъ гораздо дальше отъ земли, чѣмъ луна и солнце, но все-таки еще, по ихъ понятію, падающая звѣзда означаетъ смерть человѣка. Извѣстно уже, что затменіе солнца происходитъ отъ закрытія луною солнечнаго диска, но все-таки затменіе означаетъ гнѣвъ Божій за людскіе грѣхи. Небо еще открывается Богомъ во время дождя, но съ другой стороны оно уже понимается, какъ воздушное пространство. Въ представленіи о солнцѣ хочется видѣть какіе то намеки на школьныя свѣдѣнія: солнце—огненный шаръ, оно совершаетъ свой путь по невидимой полосѣ, называемой «осью». Все это уже не архаическія воззрѣнія, какъ и тѣ представленія, напр., что радуга происходитъ отъ того, что солнце купаетъ свои лучи въ дождѣ, что вѣтеръ—движеніе воздуха и т. д. и т. д. Что касается представленій о грозѣ, то въ иныхъ изъ нихъ нельзя не заподозрить нѣкоторыхъ свѣдѣній объ электричествѣ: напр., во время грозы существуетъ обыкновеніе убирать съ оконъ желѣзныя вещи, такъ какъ «желѣзо притягиваетъ громъ». Свѣдѣнія о шарообразности земли искажаются иногда въ такой формѣ: земля—шаръ, но плаваетъ на водѣ; или—земля плоская, но стоитъ на двухъ шарахъ или полушаріяхъ; самое это послѣднее искаженіе появилось не безъ вліянія опять-таки школьныхъ свѣдѣній: ученикъ слышалъ въ школѣ о двухъ полушаріяхъ, можетъ быть, видѣлъ ихъ изображенія на географической картѣ: но, выйдя изъ школы, онъ опять увидалъ себя среди раздолья полей, кончающихся тамъ, гдѣ „небо сходится съ землею“ и куда невозможно дойти; опять земля въ его представленіи стала безпредѣльною плоскостью а вспоминающимися ему шаромъ, полушаріями онъ замѣнилъ старинныхъ китовъ, служившихъ для поддержки земли въ представленіи его отца и дѣда.

Можно бы привести и другіе примѣры, но и изъ приведенныхъ уже видно, что какъ бы ни искажалось школьное свѣдѣніе, все-таки первое дѣло—разбить традиціонное вѣрованіе—оно дѣлаетъ. Есть основанія заподозрить, что совершенно вѣрныя въ научномъ отношеніи представленія народа о мірозданіи, если таковыя и сообщались, то естественно не всегда отмѣчались собирателемъ, какъ не характерныя и не интересныя. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни было далеко отъ разложенія традиціонныхъ воззрѣній до полной реконструкціи народнаго міросозерцанія, факты говорятъ сами за себя, указывая, что представленія о небесныхъ тѣлахъ и явленіяхъ природы у молодого поколѣнія болѣе здравы, болѣе научны, чѣмъ у стариковъ, а у мужского населенія, какъ наиболѣе посѣщающаго школу,—болѣе научны, чѣмъ у женщинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Представленія и вѣрованія о небѣ, солнцѣ, лунѣ и проч.

Небо.

Небо—облака, за ними небо ясное, открывающееся по волѣ Божіей; оно безконечно,—2, 16, 22, 24; сколько волосъ на головѣ у людей, столько шаговъ до неба—2. На небѣ живетъ Богъ съ ангалами и святыми—5, 9, 13, 16. Голубой небесный сводъ сдѣланъ изъ твердаго вещества—6. Небо—воздушное пространство—24. Небо одно—5. Небесъ нѣсколько, второе небо видно во время грозы—6. Небо (первое) открывается во время дождя: Иліей пророкомъ—2, 24,—открывается самимъ Богомъ—5;—открывается во время грозы Богомъ, при чемъ является свѣтъ—4. Про небо во время дождя говорятъ, что оно „прогнило“, „провалилось“—8.

Земля.

Земля сотворена Богомъ, стоитъ на водѣ, вода на камнѣ, камень на *тарѣ* (тартаръ [1]), тара на адѣ, адъ на трехъ немилостивыхъ головахъ—2. Земля—шаръ, половина котораго плаваетъ на водѣ—2; стоитъ на двухъ полушаріяхъ. Земля плоская, держится на водѣ: „по водѣ вмѣстѣ съ травами и растеніями посѣяна,—22. Стоитъ на китахъ—23, на водѣ—23.

[1]) Объясненіе подлинника.

Солнце.

Солнце на небѣ поддерживается Св. Духомъ; ходитъ вокругъ земли, погружаясь вечеромъ въ море, чтобъ, выкупавшись, появиться снова яснымъ,—2; уходитъ вечеромъ въ другой свѣтъ—5; солнце—кругъ блестящій, ночью уходитъ подъ землю—6, 11; солнце—огненный шаръ—13; совершаетъ свой путь по невидимой полосѣ, называемой осью; оно всегда „сыто и одѣто, ни въ чемъ не нуждается, нѣтъ у него родныхъ»—17. Люди не могутъ смотрѣть на солнце по своей грѣховной нечистотѣ—27 (Вяз. у. Смол. губ.); солнце—олень—27; играетъ въ Свѣтлое воскресенье—27.

Луна.

Луна поддерживается св. Духомъ; ходитъ вокругъ земли вслѣдъ за солнцемъ; свѣтитъ тогда, когда солнце отдыхаетъ; на лунѣ видна голова Каина или же Каинъ, убивающій Авеля—2. Луна—кругъ—6. Луна—голова Авеля, носимая Каиномъ: Авель праведный и потому виденъ, а Каинъ неправедный и не виденъ намъ—22.

Солнце и луна сходятся передъ разсвѣтомъ; луна разсказываетъ солнцу, какъ прошла ночь; если хорошо—солнце радуется и день ясный, иначе солнце печалится—и днемъ облачно—5.

Затмѣнія.

Затмѣнія—предвѣстія бѣдствій за грѣхи—2, 5, 6, 8,—конца вѣка—12. Во время солнечнаго затмѣнія луна находитъ на солнце, совершая свой путь, и закрываетъ его—17.

Звѣзды.

Звѣзды поддерживаются св. Духомъ; дальше отстоятъ отъ земли, чѣмъ солнце; днемъ не видны за солнечнымъ свѣтомъ—2. Звѣзды—свѣтлыя точки—6. Звѣзды—праведники, сколько звѣздъ—столько и святыхъ—27.

Паденіе звѣзды означаетъ смерть человѣка—1, 2. Если падающая звѣзда красная—къ войнѣ—5, 6, 7, 8, 16, 17, 25. Паденіе звѣзды—перелетъ нечистаго—2, 27; нечистый разсыпается надъ тѣмъ домомъ, гдѣ происходитъ ссора; про это говорится: „какая ворожда идетъ!“—27. Паденіе звѣзды—сверженіе нечистаго

духа съ неба—22,—смерть праведнаго человѣка—13. Паденіе звѣзды (особенно дугообразное—6)—полетъ „змѣя"—6, 27; онъ разсыпается и превращается въ желаемое лицо у того дома, гдѣ по комъ-либо тоскуютъ—27. (Ср. выше стр. 78—80).

Кометы.

Комета—предвѣстница бѣдствій (града, пожара, засухи, войны)—2, 6, 7, 8, 13. Кометы называются „планидами небесными"—16, 22, 23. Кометы предвѣщаютъ „важныя" событія—9, 27. Комета—наказаніе отъ Бога—5. Если хвостъ ея кверху, то будетъ война, внизъ—моръ—27. Передъ уничтоженіемъ крѣпостного права на небѣ летала комета въ продолженіи 6 недѣль—27 (Колом. у.).

Млечный путь.

Мл. путь—„бѣлая дорожка," ведетъ въ старый Іерусалимъ—2, 25,—изъ Кіева въ Іерусалимъ—24. Мл. путь—Батыева дорога, по ней шелъ Батый на Русь—5. Мл. путь—облако, показывавшее Моисею путь въ Обѣтованную землю по переходѣ черезъ Чермное море—6. Мл. путь состоитъ изъ множества звѣздъ—22,—путь Моисея на небо—22.

Радуга.

Радуга пьетъ воду (чтобъ избавить землю отъ потопа)—2, 6, 8, 9, 13, 16, означаетъ, что не будетъ больше дождя—5,—потопа—22. Радуга является слѣдствіемъ того, что солнце купаетъ свои лучи въ дождѣ—22.

Гроза.

Гроза—ѣзда пр. Иліи—2, 5, 8, 9, 17, 24. Илія бросаетъ стрѣлы—20, поражая ими нечистыхъ духовъ и грѣшниковъ—2, 6, 23, 25. Гроза—ѣзда *двухъ пророковъ* Илій на тройкахъ и столкновеніе ихъ; передъ концомъ міра пророки, столкнувшись, прольютъ кровь; отъ этой святой крови загорится земля; обойдетъ всю землю Богородица и потомъ придетъ во славѣ Іисусъ Христосъ—15. Упомянутыя выше стрѣлки Иліи находятъ (черезъ 7 лѣтъ—27) и лѣчатся ими отъ колотья въ боку—20, покалывая больное мѣсто. Или кладутъ ее въ воду и даютъ воду пить больному: если полегчаетъ, стало быть выздоровѣетъ, если же суждено уме-

реть, то умретъ немедленно—22. Г. Марковъ (въ рук. 27) отличаетъ эти стрѣлки отъ такъ называемыхъ „чертовыхъ пальцевъ“ (происхожденіе которыхъ приписываютъ также дѣйствію молніи), описывая первыя такъ: „вершковъ 5 длины, въ толстомъ концѣ толщины въ $^1/_2$ вершка), другой конецъ острый, какъ булавка“.

Гроза—споръ нечистыхъ съ ангелами, при чемъ молнія означаетъ сверженіе съ неба нечистыхъ и бросаніе *ими* стрѣлъ, громъ же—ѣзда Иліи—22. Гроза происходитъ отъ скопленія тепла между облаками—13, или паровъ—16,—отъ столкновенія облаковъ—17. Черти боятся грозы—2, обращаются въ это время въ кошекъ и собакъ—5. Молнія очищаетъ воздухъ—24. Людей, въ которыхъ ударила молнія, зарываютъ для излѣченія по шею въ землю—2, 6, 7. Убитыхъ же хоронятъ, не обмывши, чтобъ не было ливней,—7.

Пожаръ отъ грозы не тушится (воля Божія),—1, 6; заливается молокомъ—1, 2, 6, 25,—парнымъ молокомъ—12, 20, 23,—квасомъ—5,—крещенской водой—25. Для прекращенія и предупрежденія пожара зажигается четверговая свѣча. Желѣзо притягиваетъ громъ—17.

Умываются дождевою водой во время грозы: для здоровья—5, 6, 7, 12, 16, 17, 23,—съ яйцомъ въ рукѣ и серебрянымъ кольцомъ для бѣлизны лица—5, 7, 8. 9, чтобъ не быть убитымъ грозой—25.

По первому грому судятъ объ урожаѣ: громъ на югѣ—хорошій, на западѣ—средній, на востокѣ или сѣверѣ—плохой—6, 16; чѣмъ сильнѣе первый ударъ, тѣмъ лучше будетъ урожай—9.

Люди, убитые грозой, считаются счастливыми.

Сѣверное сіяніе.

Случается къ бѣдѣ—6, 9, 12, 17, 23. „Божья планета не можетъ предвѣщать худа“—17.

Зарница.

Если зарницы нѣтъ—слѣдовательно въ Россіи нѣтъ государя: куда-нибудь выѣхалъ—2.

Вѣтеръ.

Вѣтеръ—движеніе воздуха—16. Вѣтеръ, вихрь и буря—три родные брата, женаты на 3-хъ родныхъ сестрахъ. Если бросить

ножъ въ столбъ вихря, то ножъ упадетъ окровавленный—20. Вѣтеръ называютъ „безрукимъ“—27.

Морозъ и градъ.

„Происходятъ отъ холода“—6.

Туманъ.

Туманъ—„отходитъ земля“—6.

Облака.

Облака весною иногда падаютъ на землю; образуется студенистая влага, которая не таетъ, когда ее берутъ въ руки—27. (Колом. и Зарайск. у.).

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Обряды, исполняемые въ нѣкоторые дни, и празднованія, пріуроченныя къ временамъ года.

1. Праздники не переходящіе.

Канунъ новаго года. Гаданья—1, 8, 5, 16. Моленіе поросятъ (постилаютъ на столъ снопъ хлѣба, сверху скатерть и кладутъ вареную свиную голову; объѣдки даются свиньямъ—1). Кликаніе Овсеня—5, 11, 16. Ряженіе—7, 8, хожденіе съ чучеломъ по домамъ—7. Рядиться дѣвушкамъ считается неприличнымъ—9.

Крещенье. Отгоняютъ нечистую силу отъ скотины: кропленіе ея святою водой; обходятъ три раза сложенные крестообразно снопы хлѣба, высѣкаютъ топоромъ крестъ на землѣ и бросаютъ топоръ на крышу черезъ скотину—1. Гаданье объ урожаѣ: бросаютъ зерна различныхъ хлѣбовъ въ печь, какое закоптится, то не уродится—1. Наканунѣ крещенья въ 12 ч. ночи пьютъ изъ проруби цѣлительную воду. Въ крещенье купаются рядившіеся на святкахъ—5. Гаданье подъ крещенье—8, 25. Изображеніе мѣломъ крестовъ на стѣнахъ—25.

11 февраля. Св. Власій почитается „богомъ коровъ“—5.

Св. Касьянъ считается „грознымъ“; его боятся и ждутъ, какъ онъ „взглянетъ“; обыкновенно онъ взглянетъ плохо, т. е. случаются несчастія—22.

1 марта. (Св. Евдокія)—„сороки“. Пекутся изъ муки чувилки (птички); ребята поютъ:

„Чувиль-виль-виль
„Прилетите къ намъ, принесите намъ
„Время теплаго, хлѣба новаго“—14.

4 *марта* пекутъ изъ муки грачей.

9 *марта* (40 мучениковъ). Прилетъ сорока видовъ птицъ—8. Пекутъ жаворонковъ—5, 8, 16, 21. „Сороки“—пекутъ „бабашки“—шарики изъ муки и даютъ овцамъ. Устраиваются на каждомъ дворѣ качели—18. Подрѣзываютъ хвостъ лошадямъ—21.

17 *марта* „Алексѣй—съ горъ потоки“. Если курица напьется изъ лужицы—урожай будетъ—14.

Благовѣщенье. Ѣдятъ рыбу, играютъ въ горѣлки—5; выпускаютъ на свободу птицъ—8. Сберегается просфора до слѣдующаго Благовѣщенья; тогда въ ней окажется червякъ, цвѣтъ котораго укажетъ цвѣтъ скотины, какую нужно водить; если же червяка не окажется—скота не будетъ—9. Благовѣщенская просфора съѣдается пахаремъ при первомъ выѣздѣ въ поле—11;—кладется въ рожь при посѣвѣ—22. Въ Благовѣщенье солнце „играетъ“—18. Заклинаніе „весны“—22.

23 *апрѣля* (св. Георгій). Крестьяне не работаютъ въ этотъ день для того, чтобы волки не трогали скота—5. Подрѣзаютъ хвосты и гривы лошадямъ—8. Выгонъ скота—вербами—14.

9 *мая.* Микола—покровитель хлѣбопашества—10.

24 *іюня* (Иванъ Купала). Въ ночь подъ Ив. К. собирается на ветошку цѣлебная роса—14. Собираются травы (разрывъ-трава), «цвѣтъ» папоротника—8, 9. Повѣрье объ «игрѣ» солнца—18. Хожденіе съ пѣснями: «роди, Боже, чистое жито, колосисто, ядренисто», пѣвцамъ дается приготовленная въ этотъ день «кулага»; прыганье черезъ костеръ—18. Въ этотъ день всѣ купаются *въ платьяхъ*—4.

Ильинская пятница (передъ 20-мъ іюля)—постъ—16.

30 *іюля* (Іоаннъ-воинъ). Зажигается свѣчка, чтобъ Іоаннъ воинъ наказалъ вора—5.

1 *августа* (1-й Спасъ). Освященіе сѣмянъ ржи—16.

6 *августа* (2-й Спасъ, Преображенье). До 2-го Спаса запрещается ѣсть яблоки тѣмъ родителямъ, у которыхъ умерли дѣти, иначе умершимъ дѣтямъ не будетъ дано райскихъ яблокъ—14.

18 *августа* (Фролъ и Лавръ—покровители лошадей). Кропленіе святою водой лошадей у церкви—5, 8, 10.

29 августа (Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя). Не ѣдятъ скоромнаго и ничего *круглаго*—5. Запрягаютъ въ соху вдову и съ пѣснями опахиваютъ село для предохраненія его отъ порчи—25.

2 сентября (Семинъ день). Погребеніе мухъ (и блохъ): въ гробикъ, сдѣланный изъ моркови, кладутъ муху (и блоху) и зарываютъ—21.

14 сентября (Воздвиженье). Въ этотъ день собираются всѣ змѣи и прячутся, когда отзвонитъ «къ достойнѣ»—25.

Дмитровская суббота (передъ 26 октября). Поминовеніе усопшихъ—5. Блины носятъ въ церковь къ попамъ; поговорка: «какъ пришла Дмитріева суббота, началась у поповъ работа»—5.

1 ноября (Козьма и Даміанъ). Рѣжутъ куръ (чтобъ куры были цѣлы)—1, 5. Причтъ собиралъ «въ прежнее время» по дворамъ домашнюю птицу—8. Причтъ собиралъ по домамъ пеньку, коноплю и ленъ. Поговорка: «что хромо да слѣпо, то Козьмѣ-Демьянъ»—8.

25 декабря. Пастухъ ходитъ между утреней и обѣдней по избамъ и обсѣваетъ овсомъ со словами: «на живущихъ, на плодущихъ, на здоровье хозяину и хозяюшкѣ», за что получаетъ пирогъ (ситникъ)—8, или: «сѣю, посѣваю яровой пшеницей, овсомъ, гречихой на телятъ, на ягнятъ и на всѣхъ крестьянъ»—16.

Среда и пятница—не работаютъ. «Въ пятницу, матушку Прасковею, грѣшно тревожить землю, ибо во время крестной смерти Спасителя было землетрясеніе»—23. Молитва: «Матушка, пятница, помилуй насъ»—3.

2. Праздники переходящіе.

Масленица. Блины и катанье съ горъ—5, 8, 9. Въ прощеное» воскресенье зять тещѣ возитъ въ подарокъ собственнаго издѣлія лапти—8. Сжиганіе масленицы (въ воскресенье): въ концѣ села въ сумерки дѣтьми сжигается куча соломы и мусора; говорится, что здѣсь сгорѣло все, что ѣли за недѣлю: и рыба, и масло, и пироги, и молоко, теперь надо ѣсть одинъ черный хлѣбъ—17; сжигается сноп соломы на шестѣ при пѣніи пѣсни: «гори, гори, масленица, у меня селедокъ не осталось, муки на блины тоже нѣтъ» и т. д.—21. Бывозъ невѣстъ—18. Катанье съ горъ жениховъ съ невѣстами—5. Сплошная недѣля (передъ масленицей) называется «арціурной»: одинъ армянскій епископъ установилъ

постъ на этой недѣлѣ по случаю смерти своей собаки «Арціура»; православные же установили на этой недѣлѣ мясоѣдъ—22.

4-я недѣля Великаго поста. Въ среду пекутъ кресты, запекая въ нихъ различныя зерна: какое зерно сгоритъ, тотъ хлѣбъ не уродится или погоритъ—16, 14. Кресты даются скоту—21; крестъ съѣдается пахаремъ и его лошадью при первомъ выѣздѣ въ поле—8.

Вербное Воскресенье. Мѣтятъ ягнятъ, лѣчатъ поросятъ. Сгоняютъ скотъ, даютъ пастуху пирога и яицъ—8.

Великій Четвергъ. Умываются утромъ у ручья, чтобъ смыть болѣзнь. Рѣжутъ свиней. Умываютъ дѣтей до перваго луча, пока воронъ не умылъ своихъ дѣтей и не унесъ цѣлительной силы воды. Собираютъ золу для лѣченія животныхъ. Разсѣваютъ до свѣта снѣгъ по избѣ, отъ насѣкомыхъ. Кладутъ въ печь узелокъ соли и берегутъ ее потомъ, какъ лѣкарство («четверговая соль»)—8, 14. Ставятъ на ночь соль, мыло, золу, воду, чтобъ сдѣлать ихъ цѣлительными (называется «класть на зорю»)—18. повѣрье объ игрѣ солнца въ этотъ день—18.

Воскресенье Христово. Катанье по землѣ дьячка бабами послѣ молебна для урожая льна—14, 16. Освященіе зерна—16. Повѣрье объ игрѣ солнца—18.

Ѳомино воскресенье (Красная горка). Благословеніе священникомъ 1-го пахаря, выбираемаго изъ благочестивыхъ крестьянъ, послѣ первой пахоты онъ получаетъ пирогъ, бывшій на столѣ за молебномъ на Красн. горку—14.

Вторникъ 2-й недѣли по Пасхѣ (Радуница). Блины, поминовеніе усопшихъ, христосованіе съ ними. Крестьяне зажигаютъ ладонъ въ глиняныхъ кадильницахъ—18.

Вознесенье. Пекутъ изъ муки лѣсенки, часть которыхъ выносится въ ржаное поле—8; пѣсня при этомъ: «Христосъ, иди на небеса, ржицу возьми за колоса»—14.

Троицынъ день. Завиваніе вѣнковъ—9. «Кумовство» между молодежью: цѣлуются черезъ заплетеный вѣнокъ и зовутъ другъ друга кумовьями и кумами до заговѣнья, когда приходятъ опять въ лѣсъ къ тому же вѣнку «раскумиться», т. е. поцѣловаться черезъ него, и расплетаютъ этотъ «вѣнокъ»—21. Крестники и крестницы «прощаются» съ крестными отцами и матерями—16.

Духовъ день. Завиваніе вѣнковъ и бросаніе ихъ въ воду (гаданье)—7.

3. Полевыя работы и проч.

Первый выгонъ скота. Выгоняютъ вербами, шишки вербныя даются ягнятамъ. Пастуху даютъ ковригу хлѣба, стаканъ соли и 2 яйца—1, 5. Обходятъ стада 3 раза съ образомъ; пастухъ бросаетъ черезъ стадо яйцо: если оно не разобьется, то стадо будетъ цѣло—3. Вербы, которыми выгоняли скотъ, бросаютъ въ избѣ на потолокъ, чтобъ ягнятъ было больше—13. Пастухъ съ иконой и святой водой обходитъ все стадо, а каждый хозяинъ свою скотину, со словами: «волче, волче, гдѣ ты былъ, когда Христосъ народился?» Вербы употребляются тѣ, съ которыми стояли заутреню въ Вербное Воскресенье—5.

Первая пахота. Пахарь и лошадь съѣдаютъ передъ началомъ работы крестецъ, испеченный на «средокрестной» недѣлѣ Велик. поста—8.

Посѣвъ. Сѣятель выходитъ съ благовѣщенской просвирой, положенной въ мѣшокъ съ овсомъ; овесъ и часть «благословеннаго хлѣба» отдается лошади, остальное зарывается въ полѣ, а также зарывается склянка съ богоявленской водой—для предохраненія нивы отъ градобитія—21.

Покосъ. Послѣ покоса крестьяне собираются по вытямъ (участкамъ) становятся на колѣни, молятся Богу, просятъ другъ у друга прощенья, звонятъ въ косы и съ пѣснями идутъ домой—14.

Зажинъ. Зажинаетъ женщина и, нажавъ одинъ снопъ, уходитъ домой—21. Зажинаютъ подъ вечеръ—18. 1-й снопъ отдаютъ овцамъ, чтобъ дружнѣй плодились—8. Зерна съ 1-го спона приносятъ въ храмъ въ Преображенье; этими зернами засѣваютъ—1. Зажинаетъ благочестивая женщина—21. Молодуха накрываетъ 1-й снопъ платкомъ, который идетъ въ подарокъ свекрови—21. По окончаніи жатвы бабы катаются по жнивью со словами: «жнивка, жнивка, отдай мою силку на яровую уборку»—3, или: «нива, нива, отдай мою силу»—13, или съ прибавленіемъ: «я тебя жала—силу теряла»—18. Послѣдніе колосья оставляются въ полѣ несжатыми, связываются въ узелъ, что называется «оставить Богу бороду»—18, или «Христу на бородку»—8, 17, или «завязать Ильѣ пророку бороду»—22, при чемъ въ этотъ пучекъ колосьевъ кладется иногда ломоть хлѣба (съ солью—18),—7, 13, 21. Послѣдній снопъ приносится на головѣ хозяину—17. Послѣ жатвы соби-

раютъ березовые вѣники и, придя домой, обмахиваютъ ими стѣны со словами: «мухи, мухи, мы изъ поля, а вы въ поле!»—17.

Молотьба. Первый снопъ вымолачивается отдѣльно, зерна его, освященныя въ Преображенье, идутъ на начало посѣва—1, 7.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Представленія о смерти и загробной жизни крестьянъ Калужской губ. Медынскаго уѣзда.

(Сообщ. г. Предтеченскій, № 21).

«Смерть, по народнымъ вѣрованіямъ, ходитъ изъ одного дома въ другой. Въ рукахъ у ней чаша съ желчью». Смерть можно видѣть, какъ она въ длинномъ бѣломъ одѣяніи идетъ въ какой-нибудь домъ за своей жертвой. «Передъ кончиной всякій человѣкъ видитъ смерть, оттого-то онъ и пугается. Она подноситъ человѣку чашу съ желчью, какъ Христу разбойники (?), оттого-то всякій человѣкъ передъ смертью морщится. Когда человѣкъ умретъ, то изъ него вылетаетъ душа. Разсказываютъ, будто ее нѣкоторые видѣли. Около умирающаго ставятъ стаканъ или чашку съ водой. Въ этой водѣ душа, вышедши изъ человѣка, обмывается. Обычай этотъ существуетъ даже у нашихъ дворянъ. Говорятъ, нужно присмотрѣться къ водѣ въ стаканѣ, и вы увидите, какъ вода колышется, когда обмывается тамъ душа.—Послѣ смерти тутъ же наши крестьяне начинаютъ обмывать тѣло; женщину обмываютъ женщины, мужчину—мужчины. Покойника сажаютъ на лавку, стелютъ подъ него соломы, моютъ и вытираютъ его этой же соломой. Солома и посудина, изъ которой обмывали, вывозятся на чужое поле и тамъ бросаются. Это для того, чтобы хворость и смертность изъ своей деревни перегнать въ чужую. Послѣ обмыванія тѣло одѣваютъ и кладутъ на лавку; дѣлаютъ передъ иконой три земныхъ поклона и земно кланяются покойнику, прося у него прощенія»... «Покойники послѣ смерти ходятъ, иногда и очень долго. Вотъ что разсказываютъ про одного священника. Преемнику этого священника, какъ только станетъ онъ совершать первую литургію, явится священникъ, весь обвязанный желѣзными цѣпями, и указываетъ подъ престолъ. Новичекъ испугается и умретъ. Такъ было до восьмого священника. Восьмой оказался очень смѣлымъ. Когда ему явился обвязанный цѣпями священникъ и показывалъ подъ престолъ, онъ по-

смотрѣлъ туда и тамъ нашелъ синодикъ. Оказывается, что умершій священникъ деньги за поминовеніе бралъ, а поминать не поминалъ. За такой обманъ, въ загробной жизни онъ несъ тяжкое наказаніе. Теперь онъ явился просить своихъ преемниковъ, чтобы они за него поминали записанныхъ въ синодикѣ. Новый батюшка сталъ поминать ихъ каждую обѣдню, и связанный священникъ пересталъ показываться». Про одну вдову разсказываютъ, что, оставивши послѣ себя круглыхъ сиротъ, она «каждую ночь приходила къ нимъ, обмывала ихъ, мыла ихъ бѣлье, чесала ихъ и т. п.».

«Иногда покойники ходятъ мстить ненавистнымъ имъ людямъ, а иногда ихъ хожденіе бываетъ совершенно бездѣльнымъ. Они приходятъ въ домъ, гдѣ раньше жили, ходятъ по комнатамъ, скрипятъ дверями и половицами; безъ свѣта ихъ даже можно замѣтить, но какъ только зажигаютъ огонь, они скрываются. Особенно много подобныхъ разсказовъ ходитъ про запущенные дома въ помѣщичьихъ усадьбахъ. И что особенно интересно, ихъ распускаютъ люди интеллигентные. Чтобы покойники прекратили хожденіе, въ ихъ могилы забиваютъ осиновый колъ. Если человѣкъ умираетъ скоропостижно, то, по народнымъ повѣрьямъ, въ моментъ его смерти, его пріобщаетъ ангелъ, и такимъ образомъ онъ наслѣдуетъ царство небесное».

«До страшнаго суда, по разсказамъ однихъ, съ людьми ничего не бываетъ, а по разсказамъ другихъ, всѣ люди мучатся. Страшный судъ будетъ такъ: всѣ люди возстанутъ изъ мертвыхъ одинаковые по возрасту и соберутся на большое поле. Праведники будутъ во всемъ бѣломъ, лица ихъ будутъ свѣтлы, какъ солнце, а грѣшники будутъ во всемъ черномъ, и лица ихъ будутъ какъ уголь. Всѣ дѣла людскія, какъ хорошія, такъ и дурныя, станутъ ясны для всѣхъ: всѣ и все узнаютъ другъ про друга. Знакомые люди тамъ узнаютъ другъ друга, только сынъ не узнаетъ своего отца и матери, и мужъ не узнаетъ своей второй и третьей жены, а первую узнаетъ. Потомъ грѣшники станутъ по лѣвую сторону, а праведники по правую, и грѣшники пойдутъ въ адъ (огонь, смола, разные гады, темнота и т. п.), а праведники въ рай (хорошій садъ). Средніе люди будутъ однимъ бокомъ на холодѣ другимъ на жарѣ. Любовницы на томъ свѣтѣ всѣ повиснутъ на шеѣ того человѣка, съ которымъ грѣшили». (21).

Д. Ушаковъ.